

НИКЪ КАРТЕРЪ

АМЕРИКАНСКОЙ ШЕРЛОКЪ ХОЛМСЪ

Послѣдняя борьба.

Стоял трескучий мороз. Только едва забрезжило мрачное февральское утро. Извозчик, остановившийся у маленького приветливого особняка в одном из переулков около Центрального парка в Нью-Йорке, изо всей силы замахал руками, стараясь разогреть заочиненное тело, тогда как седок его бросился вверх по лестнице и неистово зазвонил у парадной двери.

— Мистер Картер уже встал? — спросил ранний посетитель, едва только открылась дверь. Пожилая экономка знаменитого сыщика покачала головой.

— Не думаю, господин инспектор, — ответила она, узнав в посетителе начальника нью-йоркской полиции, инспектора Мак-Глуски. — После своей последней болезни он обычно встает около девяти часов... Я сама только что поднялась.

Она впустила пришельца в кабинет сыщика, уютно обставленную комнату, выходившую окнами во двор.

Экономка зажгла лампочки газовой люстры и направилась в смежную с кабинетом спальню Ника Картера, чтобы разбудить его.

Инспектору не пришлось долго ждать своего друга. Уже минут через десять Ник Картер показался в дверях; на энергичном лице его читалась плохо скрываемая досада по поводу такого раннего визита.

— Послушай, Жорж, ты, кажется, лунатиком стал? — спросил он, крепко пожимая другу руку. — Нью-Йорк горит, что ли? Или твои синие мундиры забастовали?.. Что же случилось, наконец?

Он предложил гостю удобный стул, уселся сам, достал сигары и приказал явившейся на звонок экономке приготовить крепкий горячий кофе.

— Да, — сказал он, обращаясь к инспектору, — с тех пор как этот Каррутер опять сбежал, я стал немного нервным. Черт его знает, беспокойство какое-то мучает меня. И вот чашечка горячего кофе — отличное средство в таких случаях; впрочем, ты едва ли пришел за тем, чтобы выслушать это интересное сообщение, а? — прервал он себя и засмеялся.

Лицо инспектора омрачилось.

— Да, Ник! — сказал он сдержанным тоном. — Я вполне тебя понимаю, у меня самого преотвратительное настроение, тем более что ведь я сам виноват во всем этом деле... Неслыханная вещь! Преступник, осужденный на смерть, трижды бежал от руки правосудия Бог знает каким невероятным образом!..

Сыщик задумчиво кивнул головой.

— Дорогой Жорж, ты оскандалился не один! — сказал он со вздохом, принимая от экономки дымящийся кофейник. — Признаюсь честно, что это был самый нелепый, самый бессмысленный промах в моей жизни: ты упускаешь Каррутера, а я в тот самый час бегу под пулю его сообщницы, этого прекрасного демона, Инес Наварро! Если кто-нибудь назначит премию за глупость, я запишусь претендентом — авось получу первый приз! Но, впрочем, говори же, Жорж, что случилось? Опять не знаешь, как выпутаться?

Он засмеялся и украдкой взглянул в лицо своего друга.

— Нет, не в этом дело! Но один факт кажется мне чрезвычайно интересным, и я хотел попросить тебя обратить на него внимание. Дело вот в чем: сегодня, в четыре часа утра, один из наших полисменов во время обхода Центрального парка нашел там окровавленное тело прилично одетого человека, в котором мы уже опознали одного завязанного посетителя всех нью-йоркских скачек, некоего Мак-Интайра. Злодеяние совершено, очевидно, с целью грабежа, потому что, кроме старых часов, у несчастного не нашлось никаких других ценностей, а

недалеко от места преступления лежал пустой портфель, очевидно, похищенный у пострадавшего. Последнего немедленно доставили в больницу Белльвью, а ее главный врач сразу же вызвал полицейского врача, так как думает, что Мак-Интайр перед смертью, быть может, еще раз придет в себя и даст какие-нибудь показания. Вот и все.

Ник Картер тихо присвистнул.

— Вот уже третье нападение за короткое время, совершенное в Центральном парке на нью-йоркских интеллигентов, — сказал он, растягивая слова.

Мак-Глуски кивнул головой.

— Первые два нападения не имели такого рокового исхода, но это единственное различие между этими тремя злодеяниями, которые, очевидно, совершены одним и тем же преступником. Каждый раз они происходили в ночь с пятницы на субботу. Две недели тому назад жертвой нападения был молодой мексиканец Рафаэль дель Рио, у которого стащили целых двадцать тысяч долларов.

— Помню, помню! — вставил Ник Картер. — Ты мне рассказывал. Его ударили сзади по голове, и он не имеет ни малейшего понятия о том, кто совершил преступление.

— На прошлой неделе пострадал некий мистер Аббот из Канады, — продолжал инспектор. — Этот молодой человек поплатился кругленькой суммой приблизительно в тридцать тысяч долларов — тоже ничего, а? Он так же не знает, кто его так чисто обобрал, или, по крайней мере, притворяется, что не знает. Часы, кольца, серьги — все то, на что прежде всего бросаются обыкновенные бродяги — в этих случаях оставались нетронутыми, и только содержимое портфелей выгребалось дочиста.

— Да, это заставляет предполагать, что похититель или похитительница в данном случае хорошо знали, что именно содержалось в портфелях! — проговорил Ник Картер, встав и, по обыкновению, зашагав по комнате туда и обратно.

Вдруг он остановился.

— Этого Мак-Интайра я знаю! — обратился он к инспектору. — Это спортсмен, букмекер, подчас подставной игрок, какие бывают во всех тайных игорных домах. Этот малый так часто обирал других, что подобная смена декораций, в сущности, очень ему полезна. Но поедem в больницу. У тебя есть извозчик? Да? Ну вот и отлично; я сейчас оденусь, и едем!

Через полчаса, когда по улицам города только-только разлился первый бледный свет холодной зимней зари, инспектор и сыщик входили в двери больницы Белльвью. Дежурный врач в ответ на их вопрос только пожал плечами.

— За жизнь этого человека я не дам даже одного цента! — сказал он мрачно. — Глубокий удар кинжалом под левую лопатку... Легкое и сердечная оболочка проколоты насквозь, но, при необыкновенно сильном организме больного, он может прожить еще до завтрашнего дня.

— Хорошо, посмотрим на больного! — решил Ник. — Он в сознании?

— Четверть часа тому назад он был еще в беспамятстве, — ответил врач. — Идемте, джентльмены, я отведу вас в палату Мак-Интайра.

В коридоре, выстланном циновками, их встретил санитар.

— Номер 1412, кажется, начинает приходить в себя, господин доктор, — доложил он. — Я как раз иду за вами.

— А полицейский врач там? — спросил Мак-Глуски. — Отлично! — прибавил он, когда санитар утвердительно кивнул головой.

Сыщики вошли в небольшую одиночную палату. Они молча пожали руку полицейскому врачу и подошли к кровати больного, худощавого человека лет тридцати с несомненной печатью смерти на бледном, как полотно, искаженном страданием лице. Руки его то и дело судорожно скользили по одеялу, а с раскрытых губ время от времени срывался глухой тяжелый

стон.

Инспектор Мак-Глуски подсел к кровати.

— Мистер Мак-Интайр! — обратился он к больному. — На вас совершенно нападение? Кто же это был? Кто? — Он говорил медленно, подчеркивая каждое слово.

Умиравший, по-видимому, понял его.

— Да... я играл... я выиграл десять тысяч долларов... Гольдсварт, где... деньги... затем я пил вино... и женщина... польская графиня... Ха!ха!ха!.. Я знаю ее... прекрасного дьявола... Инес Наварро... Смотри... от меня не отделаешься... я... отомщу... я... Ох! Голова!.. горит, как... в огне...

Сыщики замерли, и сердца их на секунду перестали биться, когда умирающий вдруг произнес имя прекрасной преступницы, так бесследно исчезнувшей с лица земли. Ник Картер наклонился, чтобы задать еще несколько вопросов.

Напрасно. Сознание вновь покинуло больного; врачи объявили, что уже началась агония и что едва ли больной придет в себя еще раз. Конец мог наступить уже через несколько минут; а с другой стороны, при сильном организме умирающего последняя борьба могла продолжаться еще часами.

— Гольдсварт — польская графиня — Инес Наварро! — пробормотал Ник Картер, выходя со своим другом в коридор. — Далее игра — разумеется, в каком-нибудь блестящем аристократическом обществе — крепкие вина, которыми щедро угощают... Да! — решительно сказал он. — Мне кажется, наша утренняя поездка совершена даром! — Он улыбнулся и хлопнул инспектора по плечу. — Знаешь ли, дружище... Ведь слова этого больного для нас дороже золота. Держу пари, еще до наступления вечера мы соберем преинтересные сведения об Инес Наварро, ну и, конечно, о Морисе Каррутере, потому что ведь эта парочка неразлучна в своих делах!

— Обязательно надо будет разыскать этот блестящий игорный дом, — заметил инспектор. — Правда, их в Нью-Йорке довольно много, но так как он открыт, по всей вероятности, довольно недавно, то...

— Нет, дорогой мой, на это ты не рассчитывай! — перебил инспектора сыщик. — Можешь быть спокоен, эта женщина была польской графиней уже и тогда, когда мы знали только Инес Наварро, страстную мексиканку. Эта преступная пара прошла огонь и воду. Она сумела обеспечить себе сотни выходов, через которые все время ускользала из наших рук... Скажи-ка, — перебил он сам себя. — О некоем Гольдсварте ты ничего не слышал, а?

— Кто его знает! Имя, нельзя сказать, чтобы очень уж обыкновенное, тем не менее я знаю, пожалуй, с дюжину человек, которые носят его, не будучи между собой ни в каком родстве... То есть я знаю их не в качестве полицейского чиновника, — поспешил он прибавить, заметив, что Ник Картер насторожился. — Я не помню ни одного случая беззакония или преступления, в которых это имя было бы так или иначе замешано.

— Что такое имя! — презрительно заметил сыщик. — Этого Гольдсварта, по-видимому, выступающего в роли спутника польской графини, еще вчера, быть может, звали Иваном.

— Или же Морисом Каррутером... — с улыбкой закончил инспектор.

Но Ник Картер покачал головой.

— Нет, этого я не думаю: Каррутер не решится оставить своего убежища, для этого опасность слишком велика... нет, нет! Каррутер сидит, как паук в паутине, а оттуда в союзе со своей прекрасной возлюбленной только караулит жертвы, увлекаемые к ним их преступными сообщниками... А ведь две из этих жертв, по всей вероятности, еще находятся здесь, в больнице, — прибавил он, охваченный, видимо, внезапной мыслью.

— Простите, доктор! — остановил он проходившего в эту минуту больничного врача. —

Мистер Аббот из Канады еще лежит у вас?

Врач кивнул головой.

— Он еще не совсем поправился, и ждет денег, чтобы уехать домой, — сказал он. — Хотите с ним переговорить, мистер Картер?

— Да! — решил тот. — А молодой мексиканец, вероятно, уже уехал?

— Да, он очень торопился. Нью-Йоркский воздух после того неприятного происшествия показался ему чересчур нездоровым... Но вот, пожалуйста! — прервал себя врач, открывая дверь и впуская сыщиков в небольшую больничную палату.

— Простите, мистер Аббот, — обратился он к худощавому человеку небольшого роста, — эти два джентльмена хотят с вами переговорить. — С этими словами он вышел из палаты, прикрыл за собой дверь и оставил сыщиков наедине с обитателем уютно обставленной палаты.

Последний лежал с перевязанной головой в широком удобном кресле и удивленно взглянул на вошедших.

— Кажется, я вас знаю! — сказал он наконец, обращаясь к инспектору. — Вы Мак-Глуски, не правда ли? Вы допрашивали меня после того, как я был доставлен в больницу.

— Да, и, слава Богу, вы, мистер Аббот, молодец! На прошлой неделе вид у вас был далеко неважный.

— Еще бы! Этаким ужас! — со вздохом согласился выздоравливающий. — Ничего не подозревая, иду себе через Центральный парк в отель «Несерлэнд», где я остановился, насвистываю веселую песенку и чувствую себя в прекрасном расположении духа, и вдруг — точно небо обрушилось на меня, голова, казалось, разлетелась вдребезги; потом очнулся вот в этой комнате, и обобран, что называется, до ниточки!

— Отчего вы отказывались тогда говорить и давать показания, мистер Аббот?

Тот только махнул рукой.

— Не старайтесь, господин инспектор, — воскликнул он, — я и теперь остаюсь при своем мнении!

— Даже и тогда, когда мы скажем вам, что сегодня ночью злодеяние повторилось и что преемник ваш лежит здесь, в нескольких шагах от вас, при смерти? — спросил Ник Картер.

Пациент посмотрел на него вопросительно, и лицо его выражало видимое недоумение.

— Ах да! — сказал Мак-Глуски. — Я и забыл представить вам этого господина — мистер Картер, мой друг.

— Знаменитый сыщик? — с удивлением воскликнул пациент.

— Я — Ник Картер, сыщик, — сухо ответил тот, — и в данное время преследую преступницу, которая так же хороша, как и опасна... авантюристка, каких свет не видел... то мексиканка знатного происхождения, то польская графиня, которая в одном из роскошных домов у Западного парка содержит аристократический игорный дом; я полагаю, что она имеет сообщников, которые в разных клубах и отелях, посещаемых веселящейся молодежью, завязывают знакомства с богатыми приезжими и заманивают их к ней в дом. Там их обыгрывают в фальшивой игре или же дают им возможность выиграть, чтобы затем ограбить их, когда они возвращаются с полным кошельком.

— Но откуда же вы это знаете?

— Это обычный прием! — с улыбкой продолжал Ник Картер. — Все они работают по одному шаблону... Иные, не стесняясь, открыто и нахально, другие с таким изяществом, под видом такого великосветского блеска, что даже пострадавшая жертва не позволяет себе сомневаться в порядочности своих грабителей — пожалуй, с вас взяли маленькое, или даже большое, честное слово молчать, а?.. Прекрасная хозяйка ведь была достаточно мила и предупредительна...

Больной заметно смутился.

— Это правда, я действительно дал лорду Донесдалю честное слово, что никому не скажу ни слова... — нерешительно проговорил он.

— Очень красивое имя! — ответил сыщик, подмигивая инспектору. — Вы познакомились с этим господином случайно, не так ли, мистер Аббот?

— Это верно... Я познакомился с ним в отеле «Несерлэнд»... Кажется, он тоже жил там.

Сыщик засмеялся.

— Всегда один и тот же прием! — заметил он с улыбкой. — Молодой человек из великосветского общества. Общая скука... Все кажется пустым, надоевшим, никаких сильных ощущений... Наконец, таинственный намек со стороны нового знакомого: недурно, мол, для разнообразия... Красавица, высшая аристократия... Интимный салон, иногда маленькая игра... Принимают с большим разбором. Затем обязательное честное слово, которое дается без особого труда, поскольку прекрасная хозяйка премило любезна. Общество в высшей степени веселое: пьют, курят... В конце концов предлагается игра по маленькой... И начинается стрижка овец! — Сыщик сухо засмеялся.

— Я поражен, мистер Картер! — проговорил совершенно оторопевший пациент. — Вы описываете все это с такими подробностями, точно сами там бывали!

Ник Картер слегка улыбнулся; он видел, что можно надеяться узнать у этого Аббота кое-что.

— Видите ли, мистер Аббот, — сказал он, — у нас здесь, в Нью-Йорке, по крайней мере сотня таких аристократических игорных домов, как дом графини... графини... Как бишь ее? — прервал он себя, хлопнув ладонью по лбу.

— Хапская, графиня Хапская, — любезно помог ему припомнить пациент, не подозревая поставленной для него ловушки. — Ее покойный муж был поляком, а сама она мексиканка и...

— Ну вот, вот! — с улыбкой вставил сыщик. — Она живет где-то у Западного парка...

— На 78-й улице, в большом угловом доме, — добавил пациент. — Но вы ошибаетесь! — сказал он, качая головой. — Не оспариваю вашей проницательности и вашего опыта, однако графиня Хапская — женщина такой редкостной ангельской красоты, такого изящества...

— Это необходимо для дела, милейший мистер Аббот! — с улыбкой заметил сыщик. — Скажите, пожалуйста, не встретили ли вы в гостиной этой благородной графини и некоего мистера Гольдсварта?

Пациент посмотрел на него, крайне удивленный.

— Мне ужасно не хочется быть замешанным в это дело, — сказал он, явно обеспокоенный, — я дал свое честное слово, и...

— Я вовсе не хочу принуждать вас к нарушению данного вами слова, — сказал Ник Картер. — Хотя мне кажется, что в любом случае честнее помочь полиции в раскрытии преступления, чем оставаться верным слову, которое дано отъявленной мошеннице!

Больной на минуту задумался.

— Имя кажется мне знакомым, — сказал он нехотя. — Я припоминаю даже его наружность, всегда в черном, необыкновенно ловкий и юркий — но все это помнится мне как сквозь какой-то туман, только имя — Гольдсварт, гм! — я готов утверждать, что действительно слышал это имя в гостиной графини... но нет, я дал честное слово и...

— Желаете его сдержать. Хорошо, мистер Аббот, это уже, конечно, ваше частное дело! — сказал Ник Картер, вставая и делая знак инспектору, чтобы он последовал его примеру.

Они попрощались и вышли из больницы. На улице, идя рядом со своим другом, сыщик задумчиво сдвинул брови и сказал:

— Ну-с, Жорж, мне кажется, мы можем быть довольны. Этот малый из Канады в своей

сердечной простоте сообщил нам весьма ценные сведения. Я пойду сейчас переоденусь как нужно и посмотрю поближе на этот угловой дом по 78-й улице. Мне необходимо восстановить свое реноме, и я восстановлю его во что бы то ни стало или — погибну!.. У тебя, наверное, дела в канцелярии, а? Пожалуйста, устройся так, чтобы я во всякое время мог переговорить с тобой по телефону!

С этими словами сыщик торопливо распрощался с инспектором и кратчайшим путем вернулся к себе домой.

Угловой дом на 78-й улице у Западного парка представлял собой один из тех роскошных дворцов, в котором могут жить только люди, имеющие возможность платить баснословно высокую квартирную плату.

Было около полудня, когда перед этим домом остановился фургон одного из больших магазинов Нью-Йорка; рассыльный, в коричневой ливрее, в клеенчатой фуражке с медной бляхой, на которой было указано название фирмы, достал из фургона пакет и понес его в дом.

Он заглянул в швейцарскую, но нашел ее пустой; лифт в данный момент был занят и находился на верхнем этаже. После короткого раздумья рассыльный пошел по мраморной лестнице, выстланной широким красным ковром.

Он подошел к двери и позвонил, между тем как негр сел опять в лифт и спустился вниз.

Долго никто не отзывался на звонок; наконец, послышались легкие шаги, дверь осторожно открылась настолько, насколько позволяла цепочка, и в образовавшейся щели показалось миловидное лицо горничной.

— Не знаю, точно ли это здесь... у меня пакет от «Биг-Стор», 75 долларов уплатить, мисс!

Горничная с любопытством посмотрела на адрес.

— Нет, кажется, это не для графини, — сказала она, — подождите минутку, я спрошу.

Она захлопнула дверь. Прошло несколько минут, потом за дверью послышались шаги, и девушка, не раскрывая двери, крикнула: нет, здесь ничего не заказано.

— Но не знаете ли вы, где живет эта барыня? — спросил рассыльный сквозь замочную скважину; но ответа не последовало, и он ушел, ничего не сказав.

Швейцар между тем вернулся и сел у себя в швейцарской. Он взял у рассыльного пакет и стал разглядывать адрес.

— Если это не для графини Хапской, то я не знаю, кому бы он мог быть, — сказал он, качая головой и возвращая пакет.

Рассыльный сделал на нем отметку карандашом.

— Пренеприятная история, — сказал он со вздохом. — Будет опять нагоняй. Вот вам, мистер, хорошо, сидите себе в тепленьком местечке, а наш брат знай бегай по морозу, из одного конца города в другой.

Швейцар недовольно махнул рукой.

— Болтаете вы зря, ничего не знаете, — проворчал он. — Вот вчера еще — до четырех часов утра пришлось просидеть из-за этой проклятой компании у графини... а в семь часов опять поднимайся, чтобы все было на месте и в порядке.

Рассыльный с интересом оглянулся.

— Важный дом... важные господа, вероятно, а? Чаевые-то хороши, я думаю!

Швейцар злобно засмеялся.

— Ну знаете ли, если бы везде были такие жильцы, как эта дама с польским именем, я сбежал бы, ей-Богу. Ни днем, ни ночью ни минуты покоя, а чаевые? Боже сохрани... вот сегодня ночью до двадцати джентльменов было там, наверху, все важные, а этот Гольдсварт, ее напوماженный камердинер, все вокруг них так и увивается да загребает чаевые... около 50

долларов собрал опять, негодяй!

В энергичном лице рассыльного не дрогнул ни один мускул.

— Что же, — сказал он, — если бы мы были на его месте, то и мы делали бы то же самое.

Он остановился: швейцар молча мигнул в сторону высокой стеклянной двери, которая с улицы закрывала уставленный роскошными тропическими растениями вестибюль.

Через эту дверь вошел какой то человек, бритый, весь в черном. Он кивнул швейцару головой, не глядя на него сел в лифт и поднялся наверх.

— Ну вот он, легок на помине, — сказал швейцар. — Нахал этот Гольдсварт... нос задирает как... ну что? — прервал он себя, обращаясь к негру-лакею, который, подняв Гольдсварта, вернулся и подошел к швейцарской.

— Мистер Гольдсварт сказал, что сегодня привезут рояль, — ответил негр. — Через час приблизительно... он просил известить его, как только привезут рояль... он сам хочет посмотреть за тем, чтобы его внесли поосторожнее!

— Я так и думал... Опять хочет перехватить на чаек! — обратился швейцар к рассыльному, но тот уже вышел за дверь и быстро вскочил в фургон, который сейчас же укатил прочь.

Не прошло и часа, как перед тем же угловым домом остановился один из тех фургонов, в которых перевозятся рояли, зеркала и т.п. Вслед за ним приехала закрытая карета, которая остановилась на противоположном углу, так что из окон углового дома ее не могли заметить.

Приехавшие с фургоном четыре артельщика в рабочих блузах соскочили на мостовую и широкой развалистой походкой вошли в роскошный вестибюль. Кучер подошел к швейцарской.

Тот посмотрел на него, чрезвычайно недовольный. Ничто не подсказывало ему, что этот человек в синей рабочей блузе был тот самый рассыльный, с которым он давеча завел разговор.

Все четверо рабочих сели в лифт и поднялись наверх. Ник Картер — это он, конечно, играл роль кучера — позвонил у парадной двери; через минуту ее открыла та же самая девушка, которую сыщик видел уже в первый свой визит. Увидев четырех рабочих, она несколько не удивилась, отцепила цепочку ипустила их в переднюю.

— Вы привезли рояль? — спросила она.

— Рояль для графини Хапской, только тут надо еще доплатить.

— Насчет этого я ничего не знаю. Подождите здесь минутку, пока придет Гольдсварт. Он сейчас прислуживает за столом. Барыня обедает.

В эту минуту слева открылась дверь, и в переднюю вошел уже достаточно знакомый сыщику Гольдсварт, державший в руках серебряный поднос с посудой. Увидев стоявших в передней четырех рабочих, он остановился и искоса посмотрел на них.

— Это насчет рояля, — сказала горничная и вышла в другую дверь.

Тут случилось неожиданное. Ник Картер одним прыжком подскочил к Гольдсварту и, в то время как Дик взял из его дрожащих рук серебряный поднос, сыщик приставил дуло револьвера к самому лбу ошеломленного и побледневшего, как смерть, слуги.

— Ни звука, или я застрелю тебя, как собаку! — прошептал он. — Мы ведь знакомы друг с другом, мистер Панхо, не так ли?

Несмотря на приставленный к его лбу револьвер, негодяй хотел было крикнуть. Но в ту же секунду, когда он раскрыл рот, ловкая рука Дика уже засунула ему заранее приготовленную тряпку, а Патси, второй помощник великого сыщика, с быстротой молнии связал ему руки за спиной.

— Вперед! — приказал Ник Картер. При этом он могучими руками подхватил совершенно ошеломленного негодяя и поднял его на воздух; Дик и Тен-Итси, так же давнишний помощник Ника Картера, сейчас же последовали его примеру, и все вместе вынесли отчаянно

сопротивлявшегося арестанта из передней и закрыли за собой парадные двери.

Вся процедура потребовала не более одной минуты; арест был произведен так бесшумно, что никто из обитателей квартиры не успел заметить ничего подозрительного.

Внизу, в вестибюле, негр-лакей и швейцар так и разинули рты, когда увидели четырех мнимых рабочих, ведущих связанного Гольдсварта.

— Да что же это, не понимаю! — воскликнул швейцар.

— Да и нечего вам понимать, — шепнул ему Ник Картер, который отстал на минутку, между тем как его помощники поспешно вывели арестанта к поджидавшей на улице карете.

— Смотрите, братец, держите язык за зубами, не то вы легко можете потерять свое место. Мы действуем так тихо только из уважения к аристократическим обитателям этого богатого дома, понятно? Мой друг объяснит вам, в чем дело, и останется с вами до моего возвращения. Этого для вас пока достаточно.

Когда Ник Картер подошел к карете, два его помощника уже успели посадить в нее арестанта. Кучеру уже заранее было дано приказание ехать в Главное полицейское управление на Мельбери-стрит. Но Нику Картеру явилась неожиданная мысль:

— В больницу Белльвью, живее! — приказал он.

После этого все три сыщика вскочили в карету, которая быстро покатила по направлению к названной больнице.

Однако это маленькое происшествие, как ни быстро оно было разыграно, все-таки не осталось без свидетелей. Ни Ник Картер, ни его помощники не успели заметить, как наверху, на втором этаже роскошного дома, слегка приоткрылось одно из окон, как оттуда на секунду выглянула прекрасная головка молодой женщины, а потом так же быстро и незаметно скрылась.

После довольно продолжительной поездки, во время которой все трое сыщиков успели сиять рабочие блузы и вообще приняли свой обычный вид, коляска остановилась перед больницей Белльвью.

Патси и Тен-Итси, по знаку начальника, подхватили арестанта под руки, а сам сыщик побежал вперед, чтобы предупредить дежурного врача о принятом им решении.

Молодой доктор только пожал плечами, когда Ник Картер объявил ему о своем намерении привести арестанта на очную ставку с Мак-Интайром.

— От этого зависит очень многое, доктор, нельзя ли это устроить?

— Попробуйте, мистер Картер; я лично полагаю, что больной уже не придет в себя... полицейский врач все еще сидит у него, но до сих пор напрасно.

По знаку Ника Картера, который открыл дверь маленькой палаты, два его помощника ввели в нее из всех сил упирающегося арестанта.

Несчастный больной лежал, как мертвый. Сидящий около него полицейский врач в ответ на вопросительный взгляд сыщика только пожал плечами и указал на несчастного, который лежал с полузакрытыми, уже угасающими глазами.

Но вот больной зашевелился; сознание еще раз вернулось к нему, на одну, последнюю минуту. Стук и топот, произведенный упирающимся арестантом, дошел до слуха умирающего.

Он широко раскрыл глаза, и потухающий взор его наткнулся на бьющегося в руках сыщиков арестанта.

И вдруг по лицу его пробежала судорожная дрожь. Губы зашевелились; из груди вырвался хриплый стон. Мак-Интайр сделал последнее, нечеловеческое усилие и приподнялся на подушке.

— Вот он — Гольдсварт, — прохрипел он едва слышным голосом. — Этот человек... он... меня... убил...

Эти слова, замершие на бледных губах умирающего, произвели на арестанта

ошеломляющее действие. Он стоял, как прикованный к месту. Взор его, казалось, старался пронзить умирающего, а тот, со своей стороны, смотрел на него страшными полупотухшими глазами не то с угрозой, не то с ужасом.

— Убийца, убийца! — еще раз, хрипя, произнес Мак-Интайр.

На губах его выступила кровавая пена. Послышалось короткое слабое хрипение. Скрюченные пальцы еще раз судорожно забегали по одеялу, больной вытянулся и испустил дух.

Полицейский врач низко наклонился над ним; но ему оставалось только констатировать, что смерть уже наступила.

Ник Картер заставил арестанта посмотреть себе в глаза.

— Ну-с, мистер Панхо, — резко проговорил он, — свидетельство покойного приведет вас на электрический стул, пожалуй, даже и без прежних проступков. Отвечайте же, кто ваши сообщники? Инес Наварро и Морис Каррутер, а? Да-да, дорогой мой, ваша песенка спета!.. Довольно вы водили нас за нос. Пришла пора расплатиться. Будьте благоразумны: я ничего не обещаю, но вы, конечно, знаете, что чистосердечное признание преступника дает ему возможность рассчитывать на некоторое снисхождение... Это единственное, что еще может вас спасти!

Сильная дрожь прошла по всему телу арестанта.

— Не знаю, я ничего не знаю, все это ложь! — прохрипел он. — Я не слышал тех имен, которые вы называли... Я честный человек, и не понимаю, чего вы от меня хотите.

Сыщик не стал настаивать, а сделал знак своим помощникам, и они вывели арестанта из комнаты, чтобы отвести его в палату мистера Аббота.

Тот с трудом привстал с кресла. Его удивление перешло в явную досаду, когда в одном из вошедших он снова узнал Ника Картера.

— Простите, мистер Аббот, мы побеспокоим вас ненадолго! — вежливо сказал сыщик, указывая на связанного арестанта. — Речь идет вот об этом человеке. Посмотрите-ка на него, не покажется ли он вам знакомым?

— Этот человек? — Протянул Аббот, бросив короткий взгляд на искаженное ненавистью лицо арестанта. Он вдруг вздрогнул и невольно попятился назад, хватаясь рукой за голову. — Подождите, мистер Картер... Да, я, кажется, знаю этого человека! — сказал он, оживляясь. — Как же, я видел его в гостиной графини Хапской... Я его хорошо помню, это Гольдсварт, или как вы называли его сегодня утром... Что-то вроде лакея... По крайней мере, он всегда прислуживал на вечерах у графини.

— Вот-вот! Постарайтесь припомнить, мистер Аббот, — внушительно проговорил Ник Картер, — не можете ли вы найти некоторую связь между этим человеком и совершенным на вас нападением?

Но Аббот отрицательно покачал головой.

Ник Картер, по-видимому, не был особо разочарован.

— Да, я так и думал... Однако пока для меня достаточно и тех показаний, что вы видели этого человека, почтенного мистера Панхо-Гольдсварта, в квартире прекрасной графини; итак, простите же за беспокойство!

С этими словами сыщик направился к выходу, а за ним последовали его помощники с арестантом.

Но, не дойдя до двери, он сделал им знак подождать в коридоре, а сам вновь вернулся к мистеру Абботу.

О чем говорил великий сыщик, оставшись с ним с глазу на глаз, Патси расслышать не мог, но зато он прекрасно видел довольную улыбку на лице своего начальника, когда тот, минут через пять, снова догнал их в коридоре.

— Ты и Патси отведете нашего приятеля в Центральное управление, — сказал Ник Картер, обращаясь к Тен-Итси. — Отдайте арестанта на личное попечение инспектора Мак-Глуски и расскажите ему все, что вы слышали... Кстати, мне было бы очень приятно, если бы инспектор послал некоторых из наиболее надежных своих сыщиков покараулить на углу Западного парка и 78-й улицы. Все-таки возможно, что господа негодяи подготовлены лучше, нежели я ожидаю, и в таком случае хорошо будет иметь под рукой некоторых опытных помощников!

— И вы опять собираетесь в квартиру польской графини? — спросил Патси.

— Конечно, дорогой мой! — ответил Ник Картер.

С этими словами сыщик спокойно пошел своей дорогой.

Он дошел до 34-й улицы, сел там в вагон электрического трамвая, пересел на 8-й авеню и затем доехал до углового дома на 78-й улице у Западного парка. Тут он соскочил с трамвая и вошел в вестибюль. Прежде всего он встретил там Дика, сидевшего в углу. Очевидно тот заснул, и присутствием своим не очень-то радовал швейцара.

— Ну вот и я! — обратился к швейцару Ник, кивая ему головой.

Швейцар посмотрел на элегантного господина с выражением вежливого недоумения.

— Кажется, я еще не имел чести видеть вас здесь?

— Ого! — смеясь воскликнул сыщик. — Мы сегодня видимся уже в третий раз! Я был здесь в качестве рассыльного от фирмы «Биг-Стор», а через час после этого — кучером фургона.

— В таком случае вы — мистер Картер, знаменитый сыщик! — с удивлением проговорил швейцар, которому Дик успел уже дать некоторые необходимые разъяснения.

— Да, я — Ник Картер! — подтвердил тот. — Но теперь к делу, потому что я тороплюсь. С каких пор графиня Хапская живет в этом доме?

Швейцар указал на Дика.

— Обо всем этом уже расспрашивал меня вот этот господин.

— Тем лучше. Дик, докладывай же! Сначала самое существенное!

— Графиня Хапская, как называет себя Инес Наварро, занимает квартиру на втором этаже. Квартира расположена в самой середине дома, а следовательно, прекрасная Инес отсюда никак не сможет улизнуть через потайные двери в соседние дома.

— А Морис Каррутер? — тихо спросил сыщик.

— Насчет него я ничего не могу тебе сказать, потому что швейцар, который вообще, кажется, пороха не изобрел, сам не знает, кто, собственно, еще живет в той квартире... Это вообще какая-то гостиница: туда то и дело приходят всевозможные господа, почти исключительно мужчины, принадлежащие к высшим сферам общества. Неизвестно, кто у них там хозяин, а кто гость... Но я лично убежден, что и Каррутер находится в той квартире.

— А за то время, что ты здесь, никто не выходил из квартиры? — спросил Ник Картер.

Дик покачал головой.

— Никто! — сообщил он. — Напротив, туда только приходили какие-то господа, по одному, по двое — всего я насчитал восемь джентльменов. Они и сейчас еще находятся в квартире.

— Странно! — пробормотал сыщик. — Ты не находишь, Дик?

— Нисколько. Швейцар говорит, что эти господа приходят почти ежедневно. Он полагает, не играют ли там, наверху?

— Ну нечто подобное полагаем и мы! — с улыбкой заметил сыщик. — Но шутки в сторону. Или эти негодяи еще ничего не заметили и не подозревают о причине отсутствия почтенного Панхо, или же они приготовились к худшему. В последнем случае они, разумеется, не решатся покинуть квартиру, потому что отлично знают, что тогда попадут прямо в наши распростертые объятия... Ну-с, поживем — увидим!

Он встал.

— Я сейчас пойду наверх и под каким-нибудь предлогом постараюсь проникнуть в квартиру.

— Один? — спросил Дик и, в свою очередь, поднялся с места.

— Разумеется, Дик! — ответил сыщик. — Ты знаешь, я никогда не бываю одинок, со мной, по крайней мере, четыре револьвера, которыми я сумею воспользоваться в случае нужды; а впрочем, мы все еще не имеем права употреблять силу против этой польской графини. Что же мы, говоря по существу, знаем? Ничего, что могло бы придать нашим предположениям силу законных улик... пускай эта графиня является прекрасной Инес Наварро — я в этом не сомневаюсь; однако прежде мне необходимо убедиться воочию, а потом уже я смогу действовать. Поэтому будь чрезвычайно внимателен, Дик... Мне удалось незаметным способом выудить у одной из жертв этого притона, некоего Аббота, тот пароль, который дает право доступа в квартиру мошенников. И вот с этим словом я войду прямо в берлогу льва.

Он посмотрел на большие настенные часы над дверью вестибюля и проверил по ним свои карманные часы.

— Уже темнеет. Шестой час. Через полчаса сюда должны прийти Тен-Итси и Патси с несколькими сыщиками из центрального отделения. Ты расставь кое-кого из них на улице, чтобы помешать любой попытке улизнуть через окна, а с остальными поднимайся наверх и позвони. Потом мы посмотрим, что будет дальше.

С этими словами сыщик направился к лифту и поднялся на второй этаж. Подойдя к квартире польской графини, он еще раз осмотрел свои карманы и, убедившись, что все револьверы на месте, решительно нажал кнопку электрического звонка.

Через секунду дверь открылась.

Ее открыл элегантно одетый господин с черной бородкой. Ник Картер не помнил, чтобы когда-нибудь видел его раньше, но его безошибочный инстинкт подсказывал ему, что человек этот, несмотря на свою изящную наружность, вовсе не был таким джентльменом, каким хотел казаться.

— Что угодно, сэр? — спросил человек, равнодушно поглядывая на сыщика и становясь в дверях так, чтобы совершенно закрыть их своим телом.

— Женщины, карты и вино! — ответил Ник Картер, используя пароль, который ему нечаянно выдал мистер Аббот.

Слова, очевидно, подействовали, как волшебная формула.

— Графиня принимает! — ответил открывший дверь, отвесив вежливый поклон и приглашая сыщика в переднюю, где помог ему снять пальто и шляпу.

Из комнаты рядом, через приоткрытую дверь, доносились веселый шепот и смех, звон стаканов и позвякивание золотых монет — все те звуки, которые встречают посетителя при входе в игорный клуб.

Чернобородый повел его в изящно обставленную гостиную.

— Графиня Хапская! — сказал он с торжественным поклоном.

Ник Картер с удивлением посмотрел на прекрасную, изящно одетую женщину, которая тут же приветливо протянула ему руку. В гостиной, как и в других комнатах, уже были спущены шторы, и электрические лампы повсюду разливали яркий ослепительный свет.

Ник Картер не без некоторого смущения ответил на рукопожатие совершенно незнакомой ему молодой графини, которая подошла к широко раскрытой двери и пригласила сыщика движением руки:

— Пожалуйте, милостивый государь, — сказала она с чарующей улыбкой.

Сыщик прошел в угловую гостиную, посередине которой стоял большой круглый стол,

покрытый дорогой красной бархатной скатертью. Вокруг стола сидело семеро мужчин, тоже изящно одетых; они, видимо, были заняты игрой. Но при этом они не забывали и о вине, и чернобородый только что поставил на стол золоченое ведро с двумя бутылками охлажденного шампанского.

Одно место за столом, возле самой двери, еще оставалось свободным, и хозяйка указала на незанятый стул, приглашая нового посетителя принять участие в игре.

Волей-неволей сыщику пришлось сесть к столу. Быстрым взглядом он окинул собравшихся вокруг него господ, которые даже не обратили особого внимания на его появление, и только слегка поклонились незнакомцу. Среди них Ник Картер не увидел ни одного знакомого лица.

В ту минуту, когда Ник Картер подсел к столу, все еще не зная, правильны его предположения или нет, его вдруг осенила внезапная мысль. Ведь с ним провернули ловкий и дерзкий обман. Женщина, вышедшая ему навстречу под видом графини Хапской, еще этим утром дважды открывала ему дверь в качестве горничной графини.

— Ну-с, ставьте, господа! — сказал сидящий как раз напротив сыщика банкомет, тасуя карты. — Простите! — обратился он к Нику Картеру на ломаном английском языке. — Вы хотите принять участие? Простой макао... Ставка пять долларов!

Чернобородый, открывший сыщику дверь, в эту минуту поставил перед ним бокал с шампанским. Нику Картеру показалось, что лакей не один подошел к нему, что сзади тихо, по-кошачьи, подкрались еще чьи-то шаги. Одновременно он заметил, что глаза сидевших вокруг стола мужчин приняли какое-то обеспокоенное, выжидательное выражение.

Он сделал движение, чтобы встать и оглянуться.

— Простите, минутку, у меня портмоне осталось в кармане пальто! — сказал он.

Но не успел он договорить эти слова, как вдруг присел: на него точно обрушился весь дом, похоронив его под своей ужасной тяжестью. Огненные круги запрыгали перед его меркнущим взором, гром и гул раздались в ушах, голова горела, как в огне.

Что же произошло? Вместе с чернобородым, подавшим сыщику бокал с шампанским, за его стулом незаметно встал другой мужчина и, замахнувшись кастетом, ударил Ника Картера по голове в тот самый момент, когда он хотел подняться с места.

С ужасной силой кастет обрушился на незащищенную голову Ника Картера и почти мгновенно лишил его сознания.

Негодяи, сидевшие вокруг стола, встали, не обращая ни малейшего внимания на совершенное на их глазах преступное нападение. Они удалились в гостиную, пошептались о чем-то, и, поглядывая на часы, один за другим, через небольшие промежутки времени, вышли из квартиры тем же самым путем, каким вошли в нее.

В игровой зале остались всего трое: тот человек богатырского роста, который нанес коварный удар несчастному сыщику, молодая красавица, появившаяся в дверях как раз в тот самый момент, когда Ник окончательно лишился чувств, да сам Ник Картер, которого между тем с помощью проволочных пут с головы до ног привязали к спинке и ножкам стула так, что он не мог сделать ни одного движения, даже если бы и находился в полном сознании.

Через некоторое время сыщик открыл глаза, но мозг его все еще находился в состоянии какого-то помрачения.

Ехидное хихиканье донеслось до его ушей.

— Ну-с, Морис, теперь мы можем все устроить, — воскликнул беспечный женский голос. — Ник Картер пришел сюда с одним только Диком, тем самым человеком, который уже чуть ли не с самого утра сидит у нас в вестибюле, но его другие помощники уже направляются сюда, они ведут с собой подкрепление из Центрального управления — надо торопиться.

— Еще бы, Инес, — ответил низкий мужской голос, вызвавший невольный гневный стон из

груди все еще не вполне очнувшегося сыщика. — Конечно, нужно торопиться... Но под личину Ника Картера не так-то легко поддаться. А чтобы выбраться из этой ловушки, мне не остается ничего другого... Дик должен принять меня за Ника Картера.

— Но не рискованно ли это будет? — заметил женский голос.

— В нашем положении все одинаково рискованно, и мы вздохнем с облегчением только тогда, когда уже не будет этого Ника Картера... чего, впрочем, недолго ведь осталось ждать. Не думаю, однако, что этот Дик узнает меня, моя маска будет отлично выполнена, будет тот же костюм — вплоть до красного галстука. На улице уже довольно темно... Я выйду из лифта, и сразу же сделаю Дику знак достать мне извозчика. Тебя выдвину вперед так, что он даже не посмотрит на меня, правда ли я Ник Картер или нет, а только разинет рот, когда увидит тебя в качестве пленницы своего мнимого начальника.

Мысли все еще путались в голове сыщика; одно только он понял: что тут, около него, находится та преступная пара, которую он искал, что они, не стесняясь, обсуждают свои гнусные замыслы, видимо не считая уже его опасным.

Эта мысль была так ужасна, что сыщик сделал нечеловеческое усилие и снова открыл глаза, ища стоящих около него преступников.

Он увидел ту самую женщину, появление которой заметил еще в последнюю секунду перед тем, как потерять сознание. Тогда она была в красном бархатном платье. Теперь на ней была дорогая шуба, а руки были заложены за спину и закованы в стальные браслеты.

Какой-то высокий плечистый человек подошел к ней и нежно поцеловал ее в губы. При виде этого человека сыщик подумал, что, вероятно, он видит все это просто во сне, потому что человек этот был он сам, точь-в-точь, черта в черту!

— Ну вот, мы снова вместе! — сказал он Нику Картеру, грубо засмеялся и склонился над связанным пленником. — Как вы себя чувствуете, дорогой мистер Картер?.. Голова немножко болит? Вот так попались в ловушку, а?

Сыщик с трудом удержался от того, чтобы вскрикнуть от удивления: двойник заговорил его собственным голосом! Маска его была поразительно удачна... Не будь двойник несколько более высокого роста, Ник Картер, пожалуй, сам поклялся бы, что видит перед собой свое собственное изображение.

— Морис Каррутер! — сорвалось с его губ.

Тот, видимо, нисколько не удивился.

— Честь имею отрекомендоваться, ваш покорный слуга, господин сыщик! У вас действительно чрезвычайно пронизательный взор! — насмешливо проговорил он. — Да, я — Морис Каррутер! Вы рады меня видеть, да?

Сыщик ответил не сразу; думать ему было чрезвычайно трудно, и все его внимание было всецело поглощено прекрасной молодой женщиной, которая стояла с заложенными за спину руками.

— Инес Наварро! — прошептал он.

Молодая женщина гневно топнула ногой и устремила на сыщика жгучий взгляд, полный смертельной ненависти.

— Убей его, Морис! — закричала она. — Возьми нож и всади его в самое сердце этого проклятого шпиона! — со зверской кровожадностью торопил прекрасный демон.

Но ее преступный товарищ продолжал стоять, злорадно ухмыляясь.

— Нет, я не такой дурак! — воскликнул он. — Я никогда не соглашусь подарить Нику Картеру такую скорую, безболезненную смерть! Нет, о нет! — сказал он с дьявольским смехом. — Недаром держал он нас в таком постоянном смертельном страхе! С твоего разрешения, прекрасная Инес, мы приготовим ему не такую смерть — пускай узнает на себе все муки ада!

С этими словами он достал из кармана маленький круглый предмет, в котором опытный глаз связанного пленника сейчас же узнал одну из тех динамитных шашек, которой достаточно для того, чтобы взорвать целый огромный дом.

— Хорошенькая игрушка, мистер Картер? — продолжал Морис Каррутер все тем же злорадным тоном. — Привяжем-ка эту бомбу к одной из ножек стула, под самым сиденьем великого сыщика... Вот так!

Негодяй действительно исполнил свое гнусное намерение, затем принес зажженную свечу и поставил ее рядом с бомбой на ковер.

— Посмотри, дорогая Инес, вот я оборачиваю фитиль вокруг середины свечи... Через какой-нибудь час она догорит до этого места — и вызовет взрыв... А что будет тогда со знаменитым Ником Картером? Ха-ха! Я думаю, что уж тогда и косточек его не соберешь!

— Убей его сейчас... Заклинаю тебя, Морис! — прохрипел прекрасный демон. — Пускай он умрет хоть легко, но сейчас! Жизнь этого человека заколдована... смотри! Его спасут в последний момент!

Но Морис Каррутер только засмеялся.

— Не беспокойся, моя красавица! На этот раз все предусмотрено, и Ник Картер умрет!.. Видишь этот электрический провод? Один его конец соединен с бомбой, другой — я подсоединю к двери, которая выходит в переднюю. Другой двери в квартиру нет, друзья великого сыщика, когда захотят войти в квартиру, должны непременно пройти через нее. Теперь понимаешь? Провод подсоединен к нашей электрической батарее. Когда дверь за нами закроется, то открыть ее — будет значить пропустить по проводу смертоносную искру, хотя бы дверь открылась только на волосок. Бомба должна взорваться так или иначе... Ты увидишь, Ник Картер не убежит! — заключил он с дьявольской усмешкой.

— Сними с меня кандалы на минутку! — застонала Инес с перекошенным лицом. — Если ты не хочешь его убить... Для меня наслаждением будет вонзить ему в сердце нож! Морис, наше положение столь отчаянно, мы не можем полагаться на случай...

Но Морис Каррутер решительно покачал головой.

— Нет, дорогая моя, ты не знаешь той ужасной муки, с которой связано ожидание смерти! — сказал он. — Хотя бы это стоило мне жизни — сознание, что я доставил Нику муки этого ужасного часа, вознаградит меня за все...

С холодной жестокой усмешкой повернулся он к сыщику.

— Прощайте навсегда, Ник Картер. Морис Каррутер, осужденный на смертную казнь, со своей возлюбленной едет на свободу, к привольной жизни, а Ник Картер взлетает на воздух!

— Идем, Инес Наварро! — сказал он повелительно, опять подражая голосу сыщика. — Идем!

И преступная пара, преследуемая взорами несчастного связанного сыщика, вышла из комнаты — а через минуту в передней хлопнула дверь, и обреченный на верную смерть остался в квартире один.

С секунду Ник Картер сидел как ошеломленный, и только судорожное дрожание губ да беспокойно блуждающий взгляд доказывали, что в его неподвижном теле еще есть жизнь. Но потом он вдруг сухо и презрительно захохотал:

— Нет, я еще не мертв! — проговорил он. — Ты сделал ужаснейшую глупость, Морис Каррутер, — тебе надо было зажать мне рот! Ты не сделал меня немым, а это — вот увидишь — спасет меня!

Патси и Тен-Итси в точности исполнили предписание своего великого начальника и доставили арестанта в главное полицейское управление, где инспектор Мак-Глуски сейчас же

лично подверг его основательному допросу. Оба сыщика же, в сопровождении некоторых коллег из центрального управления, как можно скорее вернулись опять к угловому дому на 78-й улице и Западного парка.

— Квартира вся освещена, — сказал Патси, когда сыщики остановились перед домом. — Интересно знать, что успел тем временем сделать начальник! — Он обратился к остальным сыщикам: — Я думаю, оставайтесь пока здесь и не спускайте глаз со средних окон второго этажа. Тен-Итси и я войдем в дом и посмотрим, что прикажет начальник.

Между тем как сыщики Центрального отделения как можно незаметнее расположились в разных местах улицы, оба помощника Ника Картера вошли в ярко освещенный вестибюль.

Швейцар, по обыкновению, сидел в своей швейцарской и обратился к вошедшим с вопросом:

— Если не ошибаюсь, вы сегодня уже были здесь вместе с мистером Картером? Ваше лицо кажется мне знакомым.

— Да, мы помощники мистера Картера, — подтвердил Патси. — Начальник сказал, что он тут с нами встретится.

— Мистера Картера уже нет здесь, — заявил швейцар.

— Он уже ушел? — осведомился Патси.

— Да. Ушел... с тем господином, который весь день сидел здесь, в вестибюле, — проворчал швейцар, который был, видимо, чрезвычайно не в духе. — Слыханное ли дело! Два ареста в один день, да в таком важном доме! Бог знает что такое!

— Два? — быстро переспросил Патси. — Я думал, три!

— Отчего же не дюжина! — сердито воскликнул швейцар. — Конечно, я не говорю, может быть, эта польская графиня и была немного... того! Мне она сразу показалась подозрительной... но так как она всегда аккуратно платила, то я больше о ней и не беспокоился.

— И мистер Картер арестовал ее? — спросил Патси.

— Ну да! — подтвердил швейцар. — Он спустился вместе с ней, и руки у нее были связаны за спиной. Я отлично заметил это, хотя она накинула на плечи длинную шубу; черт возьми, жалко как-то было смотреть, как-никак, все-таки ж она дама, зачем же вязать! Я был лучшего мнения о мистере Картере.

— Я сам удивляюсь! — проговорил Патси, обмениваясь быстрым взглядом с Тен-Итси, который стоял рядом, по обыкновению, молча. — Не ошибаетесь ли вы, братец мой? Эта Инес Наварро, или графиня Хапская, как она здесь называлась, конечно, страшная преступница... но в глазах моего начальника она все-таки остается женщиной, а как таковой, он никогда не надел бы ей наручники.

— Глупости! — сердито буркнул швейцар. — Ведь у меня, слава Богу, глаза есть. Я ясно видел сверкающие стальные браслеты. Ваш начальник, кроме того, держал ее за руку, так что шуба немного сползла у нее с плеча, и хорошо видны были ее руки, поняли?!

— Нет, этого мистер Картер не сделал бы! — запальчиво возразил Патси.

— Нет, этого мистер Картер не сделал бы! — в свою очередь заявил тут Тен-Итси. — Мистер Картер — джентльмен... он никогда не свяжет женщину.

— Значит, вы лучше знаете! — сердито проворчал швейцар. — Странное дело, я тут был и все видел собственными глазами, а вы со мной спорите! — он сердито усмехнулся. — Может быть, вы еще скажете, что это не он крикнул на весь дом, точно, кроме него, здесь нет хозяина: «Скорее, Дик, сбегай за извозчиком, мы поймали ее!»

— Вот как, Дик побежал за извозчиком? — спросил Патси. — А что было дальше?

— Да что же могло быть дальше? Сели с арестанткой да и поехали!

— Но мистер Картер, наверно, оставил вам какое-либо поручение для нас?

— И не подумал даже... он только и сказал вот два слова сыщику, а больше я от него ничего не слышал... да и вся эта история потребовала не больше двух минут. С того момента прошел уже час времени! — прибавил он, посмотрев на часы.

— Бог знает что такое, — заметил Патси, качая головой. — Начальник ничего не просил нам передать — не просил сказать нам, где он сейчас, ничего?

— Ничего! — нетерпеливо воскликнул швейцар. — Ведь я же вам сказал.

— Не понимаю! — сказал Патси и опять покачал головой.

— Совсем непонятная история, — сказал и Тен-Итси.

— И почему в квартире все еще виден свет? — снова удивился Патси.

— В квартире никого больше нет! — сердито буркнул швейцар. — А вот горничная их! — указал он на вошедшую в вестибюль блондинку, в которой оба сыщика тут же узнали девушку, открывшую им дверь, когда они явились в квартиру в качестве артельщиков.

— Куда вы! — прикрикнул на нее швейцар, когда она быстро прошмыгнула мимо. — Наверху никого нет... вашу прелестную барыню арестовали!

Девушка перепугалась, задрожала и остановилась.

— Не может быть! — проговорила она. — Барыня послала меня с письмом к одним знакомым. Ведь я только около часа тому назад вышла из квартиры, да и там еще горит свет... вы говорите, арестовали? — снова проговорила она, качая головой. — Не верю я... графиня такая важная барыня!

— А все-таки это так, — вмешался тут Патси. — Можете не смотреть на меня так презрительно, мисс... Я — сыщик, и вы хорошо сделаете, если чистосердечно расскажете мне и моему товарищу все, что вам известно.

Девушка переменилась в лице; казалось, она готова бежать, но Патси ловко загородил ей дорогу.

— Не делайте глупостей, мисс, дело чересчур серьезное; лучше скажите, долго вы уже служите у графини?

— Всего только месяц, — прошептала перепуганная девушка. — Мистер Бутлер вот свидетель. — Она указала на швейцара, который кивнул.

— Успокойтесь, — утешил девушку Патси. — Мы просим у вас только одного — правдивых показаний. Ваша графиня — давно уже известная полиции опасная преступница, но ведь вы в этом ничуть не виноваты, — поспешил прибавить он, видя, что горничная опять испуганно задрожала.

— Но графиня такая важная барыня! — не переставала твердить девушка. — И граф тоже... а разве и он арестован? Впрочем, нет, он, вероятно, еще в квартире.

— О ком же вы говорите? — вмешался тут чрезвычайно удивленный швейцар. — О каком графе вы говорите?

— О графе Хапском, супруге моей графини! — довольно дерзким тоном ответила девушка.

— Странное дело! — удивился швейцар. — Теперь я вдруг узнаю, что она, оказывается, замужем... Я этого совсем не знал... прекомичная история! — обратился он к чрезвычайно заинтересованным сыщикам. — Тут сам черт не разберется. Графиня сняла квартиру уже почти полгода назад, но вначале она только давала здесь вечера и только с месяц тому назад совсем переехала сюда, а теперь я начинаю припоминать, что за все это время она ни единого раза не выходила из дома.

— Еще бы, — заметил Патси. — Месяц тому назад... то есть ровно с того времени, как она исчезла из дома на 75-й улице... там она жила под именем Инес Наварро... удивительное нахальство, впрочем! Ведь тот дом только в каких-нибудь трех шагах отсюда! Ну так что же насчет ее супруга? — живо спросил он.

— Не знаю! — проворчал швейцар. — Я уже говорил вам, что к ней поминутно приходили всякие господа... кто из них ее муж? — Он пожал плечами.

— Видите ли, мистер Бутлер, граф болел, а так как он не смел выходить, то и графиня из-за него тоже оставалась дома! — объяснила горничная. — А впрочем, он удивительно красив, наш барин.

— Как и Морис Каррутер! — невольно вырвалось у Патси.

— Морис... вот-вот! Совершенно верно, так и графиня называет его, когда они одни, — заметила горничная.

— Неужели вы будете утверждать, что этот граф Морис еще давеча находился наверху в квартире? — спросил Патси.

— Ну разумеется! — настаивала горничная. — Он ждал одного старого друга, с которым хотел выкинуть очень смешную шутку, ха! ха! Вот смех-то!

— Какую же смешную шутку? — допрашивал Тен-Итси, на энергичном лице которого начинало выражаться тяжелое предчувствие какого-то мрачного события.

— Мне велели одеть одно чудное платье графини и притвориться хозяйкой дома. Все другие господа были посвящены в шутку. Боже! Как это было смешно! Когда пришел тот самый старый друг, я приняла его в качестве графини, а потом, только успела переодеться, барыня ужасно торопила меня отнести скорее письмо!

— Когда все это случилось? — спросил Патси, которым тоже начинало овладевать какое-то смутное предчувствие беды.

— Это я могу сказать вам совершенно точно, — сказал вместо девушки швейцар и посмотрел на часы. — Мистер Картер поднялся наверх ровно час тому назад, а почти сейчас же после этого, минут через пять, спустились вы с письмом, — прибавил он, обращаясь к девушке. — Мистер Дик еще потребовал от меня разъяснений, кто вы такая.

Патси с трудом удержал крик ужаса.

— Создатель, так это был начальник, человек, которого вы встретили вместо графини!

— Нет сомнений, это была какая-то ловушка, — заметил Тен-Итси, — Инес Наварро прекрасно знала, что начальник сейчас же узнает ее и подсунула вместо себя эту горничную, чтобы вернее заманить мистера Картера.

— А этот мнимый граф Морис был в квартире в то время, когда вы сыграли с мистером Картером эту смешную комедию? — спросил Патси девушку, едва переводя дух от охватившего его волнения.

— Разумеется, — заявила горничная, — он стоял с графиней за портьерой и чуть не помирал со смеху, глядя, как хорошо я играю роль графини и как ловко пригласила незнакомого в игорную комнату, на тот самый стул, на который он и должен был сесть.

— На какой-то определенный стул? В игровой комнате? — переспросил Патси, ничего не понимая. — Что все это значит? За всем этим кроется какая-то чертовщина, в этом нет сомнения!

— Во всяком случае, мистер Картер со своей арестанткой уже давно ушел из дома, — сказал швейцар, которому весь этот разговор успел порядочно надоесть.

— Нет, не ушел... не ушел, если Морис Каррутер еще там! — настойчиво повторил Тен-Итси, обращаясь более к своему товарищу.

— Я ровно ничего не понимаю, — воскликнул Патси в сильнейшем волнении, — не может быть, чтобы начальник арестовал только эту Инес Наварро, оставив Мориса Каррутера целым и невредимым... пускай верит кто хочет, а я не верю! Уже скорее он выпустил бы эту бабу, но знать, что смертельный враг тут же, в квартире, и не арестовать его... да это просто немыслимо! Слышали ли вы какой-нибудь выстрел или другой подозрительный шум? — спросил он,

обращаясь к швейцару.

— Вот еще чего не доставало! — воскликнул тот. — Вы, кажется, рады бы весь дом перевернуть вверх дном!

— Надо будет зайти в квартиру! — решил Патси. — У вас есть с собой ключ, мисс? Я думаю, на звонок нам никто не откроет.

Девушка сказала, что ключа у нее нет.

— Графиня была очень строга насчет ключей, — сказала она, — никогда не давала их на руки, лучше будет сидеть до поздней ночи и сама открывать дверь.

— Еще бы, — насмешливо заметил молодой сыщик. — Ей надо было быть очень осторожной, этой авантюристке-обманщице! Ничего, скоро мы эту дверь откроем и так.

С этими словами он, к великому ужасу швейцара, достал из кармана отмычку.

— Позвольте, мистер, в таком доме... с такими жильцами...

— А черт с ними, с жильцами! — смеясь перебил его Патси. — Послушайте, братец, — сказал он, меняя тон, серьезно и важно, — дело идет здесь не о каком-нибудь первом попавшемся человеке, а о самом Нике Картере, который в моих глазах важнее самого президента или Папы!

В эту минуту зазвонил телефон. Швейцар взял трубку и стал слушать.

— Эй, мистер, — обратился он вдруг к Патси, — вас просят к телефону!

— Кто вы? — послышался голос, в котором Патси сейчас же узнал голос Дика.

— Это Патси Мурфи, это ты, Дик? — спросил молодой человек.

— Это я, — ответил взволнованный голос. — Ради Бога, где начальник?

Патси переменился в лице.

— Ведь он уехал с тобой и с закованной Инес Наварро!

— Нет, меня обманули. Должно быть, это был Морис Каррутер, который так мастерски замаскировался под начальника, что даже я попался на эту удочку.

— Черт возьми! — воскликнул Патси. — Да ведь это просто невероятно... но дальше, ради Бога! Где же начальник?

— Да если бы я знал! — отозвался Дик. — Поэтому-то я и спрашиваю. Я нахожусь в самом ужасном состоянии и еще так слаб, что едва держусь на ногах!

— Создатель! У меня ум за разум заходит! — воскликнул Патси. — Что же это значит?

— Не знаю... в первый раз в жизни я совершенно растерялся, — со вздохом ответил Дик, обыкновенно такой храбрый и решительный. — Слушай же: мне и в голову не приходит ничего дурного... сидим мы в карете... я напротив Ника и его арестантки. Только я хотел задать Нику какой-то вопрос, как вдруг Ник или, вернее, этот негодяй, которого я принял за Ника, бросается на меня, прижимает мне ко рту тряпку с хлороформом, останавливает карету и вылезает вместе со своей арестанткой. Кучер поехал дальше, а я, как оказалось, полчаса лежал в карете без сознания, пока наконец не оправился немного и велел везти себя сюда, в 27-й полицейский участок. Это все, что я знаю. С начальником, очевидно, приключилось какое-нибудь несчастье, и он должен быть еще в квартире, потому что я сам видел, как он в нее вошел.

— В таком случае он все еще в квартире! — в ужасе проговорил Патси и побледнел как смерть. — Оставайся у телефона, Дик, я сейчас сбегая наверх и открою дверь квартиры. Она вся освещена, а между тем в ней, по-видимому, никого нет.

Швейцар с трудом уговорил взволнованного молодого сыщика, по крайней мере, не кричать так, чтобы не переполошить весь дом. Оба сыщика в сопровождении горничной немедленно поднялись на второй этаж.

К ним присоединился и швейцар.

Через минуту Патси вставил отмычку в замок. Все затаили дух. Вдруг резкий свист,

раздавшийся из запертой квартиры, заставил Патси остановиться и прислушаться.

— Не трогайте ручку двери... отойдите от двери! — вдруг услышали сыщики знакомый голос своего начальника.

Патси отскочил, точно дотронулся до раскаленного металла.

— Что случилось, начальник? Можете ли вы открыть дверь? — крикнул он и напряженно прислушался, потому что голос сыщика, казалось, доносился издалека и был плохо слышен.

— Нет, я связан, а под стулом у меня лежит динамитная бомба, которая может взорваться в любую минуту! — послышался прерывающийся голос Ника Картера. — Свеча почти догорела... дверь соединена с электрическими проводами, как только ее станут открывать, электрическая батарейка воспламенит заряд.

— Одну минуту, начальник! Я приду к вам на помощь! — крикнул молодой человек, не теряя присутствия духа.

Он повернулся к оцепеневшему от ужаса швейцару и дрожащей всем телом горничной.

— Окна квартиры выходят только на улицу или есть окна во двор?

— Во двор выходит только одно кухонное окно! — проговорил швейцар. — Но оно высоко, а у нас нет лестницы!

— Глупости! Скорее во двор! — закричал Патси.

Огромными прыжками он бросился вниз по лестнице. Через минуту они уже стояли в узком дворе, глядя на задний фронтон дома, такой же гладкий и лишенный каких-либо украшений, как все задние фронтоны нью-йоркских домов, которые и с лицевой-то стороны уже были достаточно однообразны, а со двора обычно даже не штукатурятся и остаются такими, какими они выходят из рук каменщиков, сырыми и неоконченными.

Для мгновенно возникшего в голове Патси плана это было, однако, более или менее благоприятно. Замирая от ужаса, швейцар и горничная смотрели, как отважный юноша стал карабкаться вверх по стене, хватаясь пальцами за щели между отдельными кирпичами и, держась за эту почти несуществующую опору, подтягивался на руках, упирался ногами в стену и снова принимался искать опору для рук. Таким способом ловкому юноше удалось добраться до второго этажа и уцепиться за карниз окна. Одну секунду он провозился у окна, а затем быстро разбил стекло, к немалому ужасу швейцара.

Еще секунда, и Патси скрылся с глаз своих пораженных зрителей, как кошка, забравшись сквозь окно квартиры.

Между тем Ник Картер претерпевал все муки ада.

Привязанному к стулу ужасными путами, от которых кровь застаивалась в жилах, а конечности коченели и делались совершенно бесчувственными, Нику Картеру оставалось только одно — покориться неминуемой судьбе. Вначале, правда, он надеялся, что ему удастся криками призвать кого-нибудь на помощь. Но дом был построен солидно; помещение, в котором он находился, располагалось в самой середине квартиры, а по лестнице почти никто не проходил, потому, что все пользовались лифтом. Шум поднимающегося и опускающегося лифта заглушал всякий крик о помощи; к тому же в доме было довольно-таки шумно: на одном этаже пели, с другого доносилась фортепианная игра... да и если бы кто-нибудь действительно услышал его крики, он едва ли догадался, что это крики о помощи.

Таким образом, несчастный Ник охрип от криков, а на помощь все-таки никто не приходил. В конце концов горло совсем отказалось служить, и он впал в состояние какой-то апатии, вызвавшее в его душе тупое равнодушие. Это продолжалось некоторое время; потом вдруг снова вернулось ясное осознание ужасного, безвыходного положения: он сделал отчаянную попытку освободиться от опутывавших его веревок, но свеча сильно замигала, и это заставило его отказаться от своей попытки. Он понял, что от его отчаянных движений свеча может упасть и

катастрофа наступит еще раньше, чем это было запланировано.

Тогда Ник Картер совсем перестал шевелиться, сидел неподвижно и только думал — думал, пока у него не разболелась голова и не вернулось состояние полной апатии.

Но вот он услышал хорошо знакомый звук прикосновения отмычки к замку наружной двери. В ту же секунду в нем снова проснулось желание жить. Делая над собой нечеловеческое усилие, он снова собрал все свои мысли и заставил себя соображать. Ему удалось резким свистом остановить своего молодого помощника, а затем в коротких фразах растолковать ему свое отчаянное положение, а также грозившую ему отчаянную опасность.

— Терпение, начальник, сейчас я выручу вас!

Да! На Патси можно было положиться! Он сумеет проникнуть в квартиру. Но успеет ли он? Вот роковой вопрос!

— О, эта ужасная неизвестность! Когда же ей наступит конец?! В тысячу раз лучше было умереть, чем терпеть эту нескончаемую муку. Каррутер — дьявол! Да, он умел мстить! Он хороший знаток человеческих душ и знал, что страдания души могут быть в тысячи раз сильнее страданий тела.

Нику уже начинало казаться, что он чувствует запах тлеющей серной нити, проходящей в середину бомбы. Фитиль загорелся, еще секунда — полсекунды — и всему конец!

Как сквозь сон, Ник еще успел увидеть какую-то темную фигуру, потом сознание покинуло его...

Когда Ник открыл глаза, он увидел себя лежащим на диване, а Патси и Тен-Итси усердно терли ему лоб уксусом и одеколоном.

— Где я? — спросил сыщик еще в каком-то полусне.

— Вы спасены, начальник... благодарение Небу! — проговорил Патси, и на глазах его выступили слезы радости. — Но и пора было, ей-Богу! Еще секунда, и мы оба взлетели бы на воздух!

Несколько минут еще Ник Картер пролежал без движения, точно все еще не понимал случившегося. Но потом он быстро оправился.

— Где Дик? — спросил он, прикладывая руку ко лбу. — Каррутеру действительно удалось обмануть его?

— Дик здесь, — ответил сам молодой помощник, в эту минуту как раз входивший в комнату, — да, проклятый негодяй надул меня, а я поддался его обману, как старая дева обещаниям свахи.

— Я сам отличился не хуже твоего! — заявил великий сыщик. — Все мы люди и всегда можем ошибиться... А впрочем, поддаться обману такой гениальной преступной четы, как Инес Наварро и Морис Каррутер, еще не такой позор... главное только, чтобы конечная победа все-таки досталась нам.

Он встал с дивана и в глубоком молчании задумчиво смотрел вдаль.

Три его помощника шепотом обменивались своими мнениями; бомба была осмотрена с любопытством и вниманием; Патси из осторожности положил ее в ведро с водой, чтобы сделать совершенно безопасной.

— Если бы я только знал, куда спрятались эта Инес и Морис Каррутер! — со вздохом сказал Дик. — Из Нью-Йорка им едва ли удастся выбраться, потому что из 27-го полицейского участка немедленно даны предупреждающие указания на все вокзалы и станции.

— Тебе не удалось установить хотя бы, в каком месте вышли они из кареты, Дик? — спросил великий сыщик.

— Этого я, к сожалению, не могу тебе сказать, потому что меня одурманили хлороформом; после этого они сейчас же вышли и удалились, а кучеру было приказано везти меня на угол 6-й

Авеню и 23-ей улицы. Он так и сделал, а так как я не вылезал, то он слез с козел посмотреть, что со мной, и вот поток свежего воздуха, когда открылись дверцы кареты, привел меня в чувство.

— И ты велел везти себя в ближайший полицейский участок? Это было разумно, — одобрил великий сыщик. — Впрочем, Инес была в нарядном вечернем туалете, как будто собиралась в какое-то блестящее общество, да и Каррутер тоже был во фраке, а сверху он надел мое пальто.

— Насчет этого я, пожалуй, могу вам кое-что сказать, — вмешалась горничная, которая с любопытством прислушивалась к разговору сыщиков.

— Вы знаете, куда поехала ваша графиня? — живо спросил сыщик.

Девушка кивнула.

— Гольдсварт вчера был послан за билетами в оперу; графиня почему-то секретничала и говорила с Гольдсвартом по-испански... а я, разумеется, не показала виду, что сама немного понимаю по-испански...

— Ну и что же с этими билетами? Он принес их? — спросил сыщик, чрезвычайно взволнованный, в то время как и его помощники стали напряженно прислушиваться.

— Эти билеты на сегодня, ложе № 17, во втором ярусе... они стоили сто долларов, и графиня была этим очень недовольна.

Ник Картер посмотрел на часы.

— Теперь одиннадцать часов; может быть, я еще успею в оперу к концу представления.

— Если Инес Наварро еще там! — сказал Дик, пожимая плечами. — Я знаю ложи второго яруса, они имеют каждая по аванложе, отделенной от самой ложи шелковыми портьерами. Наша молодежь иногда умудряется ужинать в этих аванложах... и вот, я предполагаю, что Инес Наварро взяла эту ложу только для того, чтобы завести переговоры с некоторыми личностями... едва ли она поехала в оперу слушать пение и музыку.

— Ну хорошо, это мы увидим, — решил Ник Картер. — Теперь надо поторопиться. Тен-Итси, ты с некоторыми сыщиками из Центрального отделения оставайся здесь в квартире и жди моих приказаний. А я с Диком и Патси поеду в оперу.

С этими словами сыщик в сопровождении своих товарищей быстро сбежал вниз по лестнице, точно никогда и не находился на волосок от верной смерти. Мысль, что, быть может, удастся застать преступную чету и свести с ней окончательные счета, сразу возвратила ему всю его прежнюю силу.

Большое представление Вагнеровской оперы «Лоэнгрин» подходило к концу. Прогремели заключительные аккорды, усталые музыканты захлопнули нотные тетради и устремились к выходу. Весь театр был наполнен обычным шумом разъезжающейся толпы людей.

В многочисленных гардеробах толпился народ; затем публика стала потихоньку расходиться, и шаги последних запоздавших зрителей гулко и жутко звучали в огромном опустевшем здании.

Сторожа собрались в кучу, сонные капельдинеры лениво спускались с верхних, выложенных дорогими коврами лестниц.

— Ну-с, Гаррисон? — сказал один из капельдинеров третьего яруса, обращаясь к своему коллеге, который состоял сторожем второго яруса и поэтому был в более богатой ливрее. — Чего же ты еще ждешь? В зале уже спускают большую люстру; еще несколько минут, и начнется новое представление под названием «Тьма египетская». — Он сам засмеялся своей остроте и подал товарищу табакерку: — Угощайся, пожалуйста.

— Спасибо, Риддер, хорошо тебе смеяться, — ответил капельдинер второго яруса. — Ты можешь идти себе домой, а я стой тут и жди: в ложе № 17 еще сидит дама!

— Но представление давно закончилось; что же, она тут ночевать собирается, что ли?

— Кто ее знает! — сердито проговорил Гаррисон. — Она иностранка... графиня какая-то, важная птица!.. Она приказала, чтобы ее ни за что не беспокоили.

— Ну-с, тогда ей лучше было не идти на Вагнера; слава Богу, шуму довольно, — проворчал Риддер.

— Черт знает! Странная история какая-то, никогда не приходилось видеть ничего подобного. Она всю ложу заняла одна... а цена-то сто долларов! Приехала в девять часов, когда представление уже давно началось, до еще сунула мне десять долларов на чай.

— Многообещающее начало! — засмеялся Риддер, делая движение пальцами, будто считает деньги. — Надеюсь, ты угостишь нас?

— Как же, как же! Очередь за мной, конечно! Но это еще не все: я получу еще десять долларов, если аккуратно исполню ее приказание.

Риддер насторожился.

— Черт возьми! Это смахивает на интересную тайну! — сказал он, подмигивая.

— Еще бы... она приказала мне не впускать вложу никого, у кого не будет желтой розы в петлице.

— Значит, rendez-vous! — протянул Риддер. — Святой Вагнер!

— Глупости, — проворчал его коллега. — Какое нам дело! Джентльмены, которые к ней пришли, все самые настоящие господа. Фрак, белый галстук, лакированные сапоги, словом — шик! А дама эта, графиня или кто она такая, не знаю... божественная красавица, говорю тебе, писаная! — он щелкнул языком. — Просто влюбиться можно!

— Это что здесь за безобразие? — раздался в эту минуту густой бас.

Кто-то торопливо поднимался по лестнице.

— Смотри, попадет нам... инспектор! — прошептал Гаррисон.

— Голову даю на отсечение, если этот человек рядом с ним не Ник Картер! — так же тихо ответил Риддер.

— Это что за безобразие! — опять сердито крикнул инспектор. — Электричество горит, газовые лампочки тоже еще не потушены!

— Извините, господин инспектор, — проговорил Гаррисон, — в ложе № 17 еще сидит дама.

— Тем лучше, — сказал Ник Картер, за спиной которого появились и Дик, и Патси. — Вероятно, леди заснула... пойду разбужу ее. Откройте ложу.

Гаррисон со вздохом исполнил приказание; при виде сыщика он начал предчувствовать, что на ожидаемую вторую получку уже едва ли осталась какая-нибудь надежда. Он открыл двери; все с любопытством заглянули в аванложу, которая была устроена совершенно так же, как и все другие ложи этого яруса. При слабом свете небольшого электрического фонаря вошедшие увидели изящную женскую фигуру в модном вечернем туалете, неподвижно лежащую на диване, лицом к стене и, по-видимому, спящую.

Ник Картер на цыпочках подошел к спящей.

— Ей-Богу! Это Инес Наварро! — пробормотал он. — Вот величайший сюрприз всей моей жизни! Инес Наварро спит в ложе большого театра!..

— Не поздоровится ей, когда она проснется! — заметил подошедший поближе Дик. — Разбуди ее, Ник.

— Вставайте, мисс Инес Наварро! — громко крикнул великий сыщик. — Время притворства миновало. Откройте глаза и покоритесь своей неизбежной судьбе! Создатель!.. — вдруг перебил он себя и впился взглядом в неподвижно лежащую женщину. — Это не сон, это смерть! Здесь произошло или самоубийство, или преступление!

Он указал на грудь покойницы. Блестящий шелковый корсаж в одном месте был разрезан, и запекаясь кровь окрасила его в красный цвет.

Дик нагнулся. Он поднял лежащий на полу маленький изящный кинжальчик. Затем взгляд его скользнул по дивным формам мертвой женщины, и странное чувство закралось в его душу при виде желтой розы на ее груди, на полураспустившихся лепестках которой, как рубины, блестели капельки крови.

— Доктора скорее! — крикнул инспектор капельдинерам

— Он опоздает, как опоздали и мы, — тихо заметил Ник Картер. — Она мертва; вопрос только в том, сама ли она наложила на себя руки или...

Он не договорил; Патси, который тем временем завязал разговор с капельдинером, обратился к начальнику и доложил:

— У нее были три посетителя; последний пришел перед самым концом, то есть каких-нибудь полчаса тому назад; у каждого из них в петлице была желтая чайная роза.

— Очевидно, это было условным знаком, — сказал сыщик.

Он сам повернулся к Гаррисону, товарищ которого уже побежал звать еще не ушедшего врача.

— Опишите мне тех трех посетителей как можно подробнее, — сказал он.

Но старик был так ошеломлен происходящим, что Ник с трудом мог добиться от него связного ответа. Однако, судя по описанию старика, первые два посетителя, по всей вероятности, принадлежали к числу тех мужчин, которых он видел в квартире мнимой графини Хапской и которые, без сомнения, были ее сообщники.

Описание третьего, и последнего, посетителя не говорило абсолютно ничего. У него была длинная черная борода, и капельдинер успел заметить, что он не снял пальто. Оставшись в ложе всего на каких-то пять минут, он сейчас же вышел опять, взял шляпу, дал щедро на чай и спокойно ушел.

— Не слышали ли вы какого-нибудь подозрительного шума? — осведомился сыщик.

— Нет, сэр, ровно ничего.

— Ни спора, ни криков — ничего решительно?

Ник обратился к своему помощнику Дику, который дотронулся до трупа и заявил, что он еще совершенно теплый.

— Да, полчаса тому назад она, очевидно, была еще жива, — задумчиво сказал он.

— Не заметили ли вы чего-нибудь странного во взгляде этого посетителя? — быстро спросил Ник капельдинера.

— Он был в синих очках, — ответил Гаррисон, — но все-таки мне показалось, что глаза у него темные и жгучие.

— Что я говорил! — живо воскликнул Дик. — Глаза Каррутера не могут не обратить на себя внимания... хотя, — сказал он, пожимая плечами, — значит, король преступников был здесь, в ложе... но зачем погибла эта женщина, к которой он был так страстно привязан?

— Тут возможны два решения, — задумчиво заметил Ник Картер, — либо она отчаялась во всякой возможности бегства и сама наложила на себя руки, либо Морис Каррутер отделался от нее так же, как это сделал недавно со своим другом, директором банка...

— Ты думаешь, эта Инес стояла ему поперек дороги... она мешала его плану бегства?

— Кто его знает, — сказал Ник, пожимая плечами. — Морис Каррутер, не стесняясь, перешагнет через любой труп, если дело идет о спасении его подлой жизни... — он остановился, потому что в коридоре послышались шаги, и в ложу вошел призванный Риддером врач.

После короткого объяснения со стороны сыщиков, врач подошел к трупу и приступил к его

обследованию.

— Смерть наступила не раньше чем час назад, — заявил он. Затем, подняв с пола кинжал, он внимательно осмотрел его. — Этим кинжалом леди лишила себя жизни? — спросил он с удивлением.

— По всей вероятности, — ответил Ник. — Мы нашли его здесь, на полу, около самого трупa.

Врач приказал перевернуть тело таким образом, чтобы лампа осветила лицо. Присутствующие невольно вскрикнули от ужаса: гордое, прекрасное лицо покойницы было обезображено до неузнаваемости — оно было покрыто грязно-бурыми пятнами, а крепко стиснутые губы почернели.

Врач продолжал тщательное обследование трупa. Раскрыв на груди платье, он внимательно осмотрел края раны.

— Знаете ли, — сказал он, — эта леди погибла не столько от удара кинжалом, сколько от страшного отравления. На кончике кинжала яд, мистер Картер, — обратился он к великому сыщику, — будьте осторожны. Малейшая царапина обречет вас на верную смерть.

— Хорошо, доктор, — ответил Ник. — Но скажите, леди сама лишила себя жизни? Можете ли вы это установить?

— Нет, конечно же, нет, тут не может быть и речи о самоубийстве. Рана расположена под прямым углом от плеча к грудной впадине; такого удара самому себе не нанесешь, тем более в лежачем положении; между тем если бы леди сама наложила на себя руки, то она должна была уже лежать, так как этот яд действует почти мгновенно. Это кураре — ужасный яд, употребляемый дикими индейцами; он, проникая в тело вместе со стрелой, мгновенно вызывает судорожный паралич всего организма. Значит, если бы леди зарезалась сама, то кинжал уже более не мог бы выпасть у нее из рук; мускулы мгновенно сократились бы, и рука еще крепче сжала бы нож.

— Да, я понимаю, — сказал Ник Картер, лицо которого приняло еще более серьезное выражение. — Значит, в данном случае имело место убийство.

— Точнее, убийство с целью грабежа! — вмешался Дик, обыскавший между тем карманы покойницы. — Карманы все вывернуты, нет ни кошелька, ни портфеля.

— А у леди был портфель, это я знаю хорошо, — сказал тут Гаррисон, только что с любопытством просунувший голову в дверь. — Она вынула из него те десять долларов, которые дала мне.

— Следовательно, Инес Наварро была ограблена. Теперь спрашивается только, кто был убийца, — сказал Ник Картер, отходя от трупa.

— Разумеется, Каррутер, — заметил на это Дик.

— Это еще не доказано! — возразил Ник. — Быть может, злодеяние было совершено вторым посетителем... кто знает? Если Морис Каррутер пришел третьим и, войдя в ложу, нашел свою товарку уже убитой, то он, по весьма понятной причине, не стал бы бить тревогу... к тому же он был здесь неполные пять минут... этого времени, в сущности, очень мало для совершения такого преступления, но оно достаточно для того, чтобы перерыть карманы уже убитой и быстро удалиться.

Патси занялся тщательным обыском всей ложи и показал найденный им в одном углу дорогой, украшенный бриллиантами веер из страусовых перьев.

— Это веер Инес Наварро... я помню, он висел у нее на цепочке пояса, — сказал сыщик, взяв веер из рук помощника, и уже хотел было положить его обратно, как вдруг посмотрел на него еще раз поближе. — Ручки нет у веера, — сказал он, — а вместо этого нечто вроде ножен, и теперь мы знаем, откуда взялся этот изящный кинжальчик.

Он взял кинжальчик и с величайшей осторожностью сунул его в ножны. Щелкнула пружина, и кинжальчик, замкнутый в ножнах, сделался ручкой веера.

— Это похоже на прекрасного демона, — задумчиво заметил Ник Картер. — С этим отравленным кинжалом в руках отчаянная королева преступников справилась бы со всеми нами... но веер хранит еще и другие секреты, — прервал он себя, внимательно разглядывая перламутровые палочки с внутренней стороны и пальцами ощупывая их, как бы ища пружину секретного замка.

— Я так и думал! — сказал он наконец с торжествующей улыбкой. — Очень ловко сделано, — объяснил он обступившим его остальным присутствующим. — Посмотрите, эти перламутровые палочки необыкновенно толсты и вместе с тем полы; каждая из них имеет секретный замок, который открывается, если в известном месте нажать соответствующую пружину.

— Ну-с, посмотрим, что же здесь есть? — сказал он, осторожно доставая из палочки свернутый листок из тонкого картона. Билет в спальный вагон из Нью-Йорка в Чикаго... а здесь, рядом, еще один.

Сыщик поднял оба билета и посмотрел на просвет, определяя пробитую на них дату.

— В употреблении эти билеты еще не были, — сказал он, — купоны еще не оторваны, они не пробиты щипцами контролера. Билеты выданы только сегодня вечером... Посмотри, Дик! — обратился он к своему помощнику.

— Совершенно верно! — сказал тот, разобрав пробитое маленькими дырочками число. — Здесь обозначено даже время: 8 часов 30 минут.

— А сейчас уже полночь! — заметил Ник, взглянув на часы. — Значит, билеты взяты неполных четыре часа тому назад.

— Значит, их взяла Инес Наварро, и, конечно, для того, чтобы воспользоваться ими, — сказал Дик. — А так как их два, то, вероятно, один предназначался для Мориса Каррутера... Впрочем, Ник, — живо прибавил он, — здесь отмечен номер плацкарты. На, читай... Поезд 79, верхняя и нижняя полки А и Б.

Ник Картер со злобной усмешкой снова взял оба билета и внимательно осмотрел их, затем достал из кармана расписание поездов и стал его изучать.

— Вот, нашел! Курьерский поезд, отходит от Центрального вокзала в 12 часов 39 минут ночи; а так как Общество спальных вагонов Пулман выдает билеты только на тот же самый день, то...

— То оба они намеревались через полчаса укатить в Чикаго, — закончил Дик. — Смерть графини Хапской, или Инес Наварро, или как там зовут эту прекрасную злодейку, помешала исполнению этого намерения.

— Но помешала только покойной! — воскликнул Ник Картер. — А что мешает самому Каррутеру поступить согласно тщательно продуманному плану? — Глаза сыщика вдруг загорелись торжествующим блеском.

— Вот что! — решил он после минутного раздумья. — Ты, Дик, позаботься перенести труп, извести инспектора Мак-Глуски и вообще устрой все, что нужно... я поеду в Чикаго, потому что, держу пари, наш смертельный враг будет в том же поезде.

— Но хоть бы и так! — заметил на это Дик. — Подумай, ведь это Морис Каррутер, с которым тебе придется иметь дело... Он узнает тебя, в какой бы маске ты ни был!

— Подождем — увидим, — спокойно решил Ник Картер. — Однако сейчас не время для пустой болтовни. Здесь я, к сожалению, опоздал... Не хотелось бы опоздать и на поезд. Так, значит, Дик... Посмотри здесь за всем. Мне думается, что Морис Каррутер не убивал свою прекрасную подругу, а нашел ее уже убитой... Быть может, он обыскал ее карманы, не зная, где

находятся билеты, и на всякий случай взял с собой портфель, если только этого не сделал раньше сам убийца... постарайся найти какой-нибудь след Каррутера. Не знаю, увенчается ли успехом моя попытка, поэтому действуй совершенно самостоятельно, точно я уже лежу в могиле... Прощайте, господа!

Извозчик, привезший сыщика от здания театра на Центральный вокзал, немало удивился, когда вместо нанявшего его элегантно одетого пассажира из кареты вышел католический священник в длинной сутане и золотых очках и мерным неторопливым шагом направился под высокие своды огромного вокзала.

Извозчик с недоумением глядел на этого неизвестно откуда взявшегося духовного пастыря, и этот взгляд заметил даже один из случайных рабочих, которые всегда слоняются около вокзалов в надежде заработать на чаек открыванием и закрыванием дверей или тому подобными мелкими услугами.

— Это что? — спросил он, захлопывая дверцу кареты. — Ишь, скряга какой! Пожалел грош на чаек!

— Мне он тоже заплатил всего один доллар! — сердито проворчал извозчик. — Черт его знает, кто это такой!.. У театра сел — был нарядным франтом, а приехал сюда попом... Я и не знал даже, что в моей старой колымаге так легко перейти в духовное звание!

— Проезжай! — грозно крикнул в этот момент полисмен и таким образом положил конец разговору.

Рабочий, казалось, потерял охоту дальше продолжать открывание дверей; он зашел в залу и успел еще заметить, как католический патер скрылся за одной из огромных дверей, выходивших на перрон для отъезжающих.

Рабочий тут же шмыгнул к кассе.

— Простите, пожалуйста, — спросил он пожилую кассиршу, — патер оставил в карете чемоданчик... Куда он взял сейчас билет?

— В вагон общества Пулман, в Чикаго. Вы говорите о том католическом священнике?

Рабочий кивнул и выбежал на перрон.

Заметив мнимого патера, который только проходил вдоль длинного ряда вагонов, он, однако, не удостоил его ни одним взглядом, а тем более не стал преследовать. Только когда патер, поддерживаемый негром-про-водником, сел в передний вагон, он прибавил шагу, быстро пробежал мимо необыкновенно длинного спального вагона, мимо товарного вагона, тендера и через секунду добежал до пыхтящего, готового к отходу локомотива.

Тут он осторожно оглянулся и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, перед самым локомотивом шмыгнул через рельсы и очутился таким образом с другой стороны машины как раз в тот самый момент, когда она, дав короткий свисток, шипя и пыхтя, двинулась в путь.

Колеса медленно завертелись. Проехала стеклянная будка с машинистом; затем тендер с кочегаром. Последний, очевидно, успел заметить притаившегося около рельса рабочего; он нагнулся и сквозь пыхтение машины до его уха явственно донеслись слова:

— Ник Картер в поезде... спальный вагон общества Пульман... переодет католическим священником!

Локомотив уже проехал мимо; уже быстрее промчался товарный вагон; вот и платформа спального вагона Пульмана. На ней стоит патер, для того ли, чтобы еще подышать свежим воздухом, или для того, чтобы бросить последний взгляд на остающийся за ним великий город. Вид его заставляет рабочего согнуться, чтобы не быть замеченным.

Но именно это движение и вызвало подозрение Ника Картера.

Великий сыщик обладал необыкновенной способностью видеть многое сразу. В мнимом рабочем, который перед вокзалом открыл дверцы его кареты, он сейчас же, несмотря на грязное, поношенное платье, узнал одного из игроков, бывших тогда в квартире Инес Наварро.

Разумеется, Ник не показал виду, что заметил что-нибудь особенное, но с удвоенной осторожностью наблюдал за подозрительным субъектом и отлично видел, как тот пошел к кассе, чтобы задать кассирше какой-то вопрос.

Теперь сыщик уже не сомневался, что Морис Каррутер едет в поезде. Мнимый рабочий был его сообщником, которому было поручено следить, не появится ли какой-либо преследователь. Когда таковой, в лице Картера, появился, мошенник в последнюю минуту успел предупредить короля преступников.

Значит, Морис Каррутер находится в поезде... Но где именно? Ясно, что он скрывается где-нибудь поближе к паровозу, чем то место, где стоит Ник Картер: иначе его сообщнику не пришлось бы забегать вперед. Сыщик знал, что его место расположено в первом от паровоза пассажирском вагоне и что от паровоза его отделяет только один товарный вагон.

Следовательно, именно в этом вагоне или же на самом паровозе и должен был находиться Морис Каррутер.

Ник Картер сразу же наметил для себя план действий. Он сбросил мешавшую ему длинную сутану и в одном жилете, с ловкостью пантеры поднялся с платформы на крышу товарного вагона. Не было такого гимнастического трюка, перед которым остановился бы великий сыщик. Через минуту он уже лежал, вытянувшись, на крыше товарного вагона. С обеих сторон крыша спускалась полукруглым сводом, в котором находились маленькие окна, служившие для вентиляции. Таким способом Ник Картер, не замечаемый работающими внутри вагона служащими, мог хорошо обозревать все внутреннее пространство длинного вагона.

Целые груды чемоданов, корзин, пакетов и узлов поднимались до самого потолка. Но напрасно искал Ник Картер того, из-за которого предпринял путешествие. Сыщик узнал бы его в любом облике; может быть, Каррутер скрывался где-то за чемоданами?

Но нет! Это казалось невозможным. В вагоне находился какой-то высокий чиновник, вероятно, ехавший здесь в качестве ревизора, — естественно, преступник не стал бы искать приюта именно здесь.

Оставался, следовательно, только паровоз.

Чем больше раздумывал сыщик, тем яснее становилось ему, что Морис Каррутер должен находиться на самой машине.

Паровоз только что испустил короткий резкий свисток. Курьерский поезд полным ходом проходил мимо местной станции у 125-й улицы. Точно блуждающие огни, прыгали электрические лампы — до первой остановки, Альбани, надо было проехать несколько сот миль.

Ник Картер осторожно приподнялся, снял мешавший ему парик и убедился, что револьверы находятся у него под рукой.

Затем он тихо прокрался до конца вагона и здесь остановился.

Поезд мчался вдоль широкого, светящегося в темноте залива Гудзон. Ночь была темная, беззвездная. Дрожащий свет огромного, похожего на гигантское око фонаря впереди паровоза скользил по воде, оставляя светлые борозды на покрытых пеной волнах.

Сам паровоз оставался в темноте. Тендер был доверху завален углем и закрывал от глаз сыщика и машиниста, и место, где должен был находиться кочегар.

Но у Ника Картера были рысьи глаза, и во время крутого поворота ему удалось заметить, что на машине находятся только оба обслуживающих ее рабочих и что машинист как раз, с риском для собственной жизни, пытается перелезть через тендер к тому месту, где находится

кочегар.

Ник Картер сразу понял, что тут происходит нечто необычайное: машинист ни под каким видом не имел права покидать свой пост, и за такой проступок, если он станет известен, обязательно лишился бы места.

В этот момент великий сыщик, как это нередко с ним случалось, послушался какого-то внутреннего голоса и, повинувшись ему, не думая об ужасной опасности, стал постепенно спускаться с крыши товарного вагона; через минуту он уже сидел на буферах между вагоном и паровозом.

Нужно было обладать огромной силой, чтобы удержаться на шатающихся и при каждом повороте сильно раскачивающихся цепях буферов; одно неосторожное движение должно было повлечь за собой неминуемую смерть.

Ужасное было зрелище, когда отважный сыщик встал на буферах локомотива и стал пытаться перелезть на саму машину. Со стиснутыми зубами Ник Картер балансировал до тех пор, пока ему не удалось прислониться к стеклянной стенке будки машиниста и тут же уцепиться за медную рукоять рядом с крутыми железными ступеньками, ведущими в нее.

Тут Ник вздохнул с облегчением и вспрыгнул на ступеньку. Он не обманулся. В стеклянной будке не было никого: машинист действительно перелез на тендер.

Рулевой рычаг был привязан и установлен неподвижно, точно так же, как и рычаг, регулирующий скорость хода, — верный признак, что недобросовестный машинист, рассчитывая на довольно ровное полотно, оставил свой пост на длительный срок. Вот раздался длинный, протяжный свисток: сыщик заметил привязанную к клапану свистка веревку, конец которой машинист, очевидно, взял с собой на тендер к кочегару. В ту же секунду поезд проехал мимо одной из промежуточных станций.

Ник Картер осторожно влез на металлическую крышу будки, чтобы тоже перебраться на тендер. После тех ужасных опасностей, которые ему только что пришлось преодолеть, это уже не представляло для него никаких затруднений и получилось сравнительно легко.

Он осторожно пополз по тендеру; чтобы не быть замеченным, приходилось выбирать самые темные места, а как раз там уголь был уложен менее плотно и в любую минуту мог обвалиться под тяжестью тела.

Наконец Ник Картер добрался до такого места наверху тендера, где он мог более или менее крепко сидеть и наблюдать оттуда за обоими мужчинами у топки, а при благоприятном ветре — даже расслышать их разговор.

Вот один из них открыл дверь топки.

Жгучий жар дохнул из отверстия, и пламя ярко осветило место кочегара.

Ник Картер увидел двух мужчин — оба богатырского сложения, один поплотнее, а другой повыше и постройнее.

Этого последнего Ник Картер хорошо знал: не раз уже приходилось ему вступать с ним в смертельную борьбу.

— Пускай вы мне хорошо заплатите, мистер! — расслышал сыщик низкий бас одного из мужчин. — Все это отлично, но я потеряю свое место, если кто-нибудь заметит, что я покинул свой пост.

— Я дам тысячу долларов вам и столько же вашему кочегару, — ответил другой, и Ник Картер теперь узнал и голос. — До Альбани сойдет!

— Но уж никак не дальше! — проворчал машинист. — Когда вы перед самым отходом поезда подошли ко мне и сунули мне под нос тысчонку — черт возьми, я соблазнился и подумал: ну что же может случиться, тем более что вы, как уверяли, хорошо знаете дело кочегара... Я и не стал особенно раздумывать о том, что могло вас побудить предложить мне

себя вместо моего кочегара. А так как и Джимми соглашался, я не подумал ничего дурного. А теперь я и рад бы отказаться от этой тысячи долларов... Мое место приносит мне две тысячи пятьсот долларов в год... Я женат, у меня дети... Ну и в какой-нибудь подлости я тоже не хотел бы принимать участия... — Он поперхнулся, замялся и снова стал подкидывать уголь в топку.

— Я рад только, — снова заворчал он, — что Джимми в поезде. От Альбани он опять встанет на свое место, это уж как хотите!

— Хорошо! — услышал Ник голос Мориса Каррутера. — Когда мы будем там?

— В пять часов утра.

— Ну тогда будет еще темно! — заметил Каррутер. — Нет ли в это время парохода на Нью-Йорк?

— Как же, через полчаса после нашего прихода отходит пароход... позвольте, мистер... Сегодня идет капитан Фрудер, этот, пожалуй, вам подойдет. Он за деньги... А впрочем, какое мне дело?.. Моя хата с краю, я ничего не знаю; а молчать я буду, конечно... Уж ради себя, чтобы не лишиться места. Но то, что я слышал, когда мы выезжали с Центрального вокзала... Что крикнул тот бродяга про Ника Картера и католического патера, это, черт возьми, не очень-то мне по душе. С Ником Картером шутки плохи, он с самим дьяволом в союзе!

— Ладно, молчите! В Альбани я сойду с поезда! — прервал его Каррутер. — Но эту чертовскую машину я обслуживать не в состоянии, у меня и без того голова идет кругом!

Машинист выругался.

— Вот что получается, когда пускаешься на такого рода сделки! — расслышал сыщик. — На десять минут нельзя вас одного оставить... Либо вся машина взлетит на воздух, либо пар весь выйдет! Да! Эту поездку я буду помнить! — Он опять принялся подкидывать уголь. — Но одно вы все-таки сумеете, а? — спросил он затем. — Я договорился с Джимом, что он перелезет по крышам вагонов на тендер, если с вами ничего не получится... Когда я позвоню, он придет, надо только выдернуть маленький деревянный рычаг с черной рукояткой, слева от того клапана, к которому я привязал вот эту веревку, тогда он зазвонит. Вот вы это и сделайте, мистер, а?

— Вы хотите, чтобы я перелез через тендер! — протянул Каррутер.

— Вы должны это сделать! — сердито закричал машинист. — Джимми сейчас прибежит, он у меня ловкий парень... Тогда велите ему выключить звонок. Как только он будет здесь, у топки, я вернусь на свое место, а вы спрячетесь до Альбани. Только вам надо будет спрыгнуть, еще не доезжая до станции, а то начальник станции увидит, что нас трое на машине, мне так попадет, я и вывернуться не сумею.

Ник Картер почувствовал, как кровь на секунду остановилась у него в жилах: ему предстояла самая ужасная, самая опасная борьба — борьба всей его жизни, и притом не только с достойным противником, но с человеком, который знает, что он погиб безвозвратно, если ему не удастся остаться победителем... С человеком, которому отчаяние придаст нечеловеческие силы.

Ник Картер давно уже понял, какие причины привели короля преступников на паровоз. Так как Инес уже не было в живых, он не рисковал более оставаться в Нью-Йорке: ее необыкновенный ум постоянно находил все новые и новые способы обмана и надувательства, помогавшие им скрываться от руки карающего правосудия.

Весьма возможно было, что король преступников или его помощники каким-нибудь образом пронюхали о прибытии в театр Ника Картера, и на основании этого составили план дальнейших своих действий. Так Морису Каррутеру явилась отчаянная мысль подкупить машиниста и кочегара курьерского поезда и занять место последнего; таким путем он думал незаметно скрыться из Нью-Йорка.

В Альбани он, очевидно, намеревался сесть на пароход, подкупив капитана, который, судя

по намеку машиниста, был достаточно падок на деньги; капитан легко мог пристроить его на один из пароходов, отправляющихся в южно-американские гавани — а там, на далеком юге, король преступников мог считать себя уже почти спасенным.

Но этого нельзя было допустить! Морис Каррутер только-только полез на тендер, чтобы попасть в будку машиниста и дать звонок. Ник Картер понял, что ему надо быть там раньше своего смертельного врага.

Сыщик быстро пустился в обратный путь; он не обращал внимания на ужасную опасность, с которой была связана поспешность возвращения — он думал только о том, чтобы быть в будке машиниста раньше Мориса Каррутера.

Вот он уже в будке, но по пятам уже ползет преступник. Тот слишком занят мыслью об ужасной опасности, чтобы осматриваться вокруг себя; ругаясь и бранясь, он ползет боком, потому что таким образом меньше чувствуются толчки и тряска.

Ник опытной рукой взялся за рулевой рычаг. Развязывать узел привязанной к нему веревки уже не было времени. Он перерезал ее перочинным ножом, а через секунду изо всей силы налег на тормоз и дал задний ход.

Могучее сотрясение машины передалось по всем вагонам мчавшегося с ужасающей быстротой поезда... В ту же минуту Ник Картер над самой своей головой, на крыше будки, увидел два сверкающих хищных глаза, устремленных на него с выражением дикой, неудержимой ненависти.

Это был Морис Каррутер. Страшное шипение вырывающегося из клапанов пара заглушил крик бешенства короля преступников. Ник Картер почти машинально выхватил револьвер и направил его на врага, который, как тигр, приготовился к решительному прыжку.

Но Морис Каррутер находился в таком состоянии, когда не страшно уже никакое оружие; он ничего уже не боялся, как загнанный в засаду зверь. Одним прыжком он соскочил вниз, прямо на своего смертельного врага. Револьвер в руках сыщика выстрелил, но пуля, очевидно, прошла мимо; и, прежде чем Ник Картер смог выстрелить во второй раз, он почувствовал, как обезумевший от ненависти, бешенства и смертельного страха враг с нечеловеческой силой уже схватил его за горло.

Одну секунду сыщик, напрягая все свои силы, пытался высвободиться из рук противника — но тщетно. Отчаяние удесятило силы преступника. К тому же при падении сверху своей тяжестью он сбил сыщика с ног. Ник Картер упал, и упал так неудачно, что голова и шея оказались над крутой железной лестницей, ведущей из будки машиниста. Каррутер встал ему на грудь коленом и не переставая душил его.

Началась ужасная, смертельная борьба, между тем как, под давлением все сильнее действующего тормоза, вагоны тряслись и шатались, точно готовые сойти с рельсов.

Цель преступника была ясна: он хотел во что бы то ни стало, хотя бы ценой собственной жизни, сбросить сыщика с паровоза... Его положение давало ему огромное преимущество, к тому же несчастный сыщик почти не мог дышать и начинал терять сознание.

Но и Ник Картер знал, какое значение имеет эта борьба, и его силы удесятились. Без слов боролись они, как два богатыря, и слышен был только тяжелый хрип противников.

Вдруг сыщику удалось высвободить одну руку, и он стал, как молотом, бить ею по виску навалившегося на него короля преступников.

Напрасно! Морис Каррутер, казалось, и не чувствовал этих ударов. Напротив, они еще удвоили его бешенство; несчастный сыщик дюйм за дюймом все более скользил вниз по крутой лестнице. Он только ногами упирался еще в края будки и с отчаянным напряжением сил пытался удержать себя и своего смертельного врага.

Но тяжелое тело обезумевшего Каррутера налегало, напирало на лежащего под ним

несчастливого сыщика... И вот — о ужас! — и он, и его противник упали на полотно дороги.

Но почти в тот же самый момент поезд остановился. Бледный как полотно, над краем паровоза показался машинист, который при первом рывке тормоза почувствовал недоброе и поспешил через тендер обратно на свое место.

Из всех вагонов выбежали кондукторы, выскочили перепуганные пассажиры, и все они стали свидетелями ужасной борьбы, которая продолжалась около огромного колеса машины на шпалах железнодорожного полотна. Ник Картер, уже падая, сделал последнее отчаянное усилие и сумел откатиться в сторону, так что спасся от неминуемой гибели под могучими колесами паровоза.

Между тем голова Каррутера при его падении тяжело ударилась о последние ступеньки, и он почти лишился сознания, так что сыщику удалось наброситься на него.

— Назад! — заревел он громовым голосом, когда железнодорожные служащие, с машинистом во главе, попытались броситься к ним, на помощь Морису Каррутеру. — Назад! Я — сыщик Ник Картер, а этот человек — мой арестант!.. Преступник, осужденный на смерть, казнь которого на электрическом стуле назначена на завтра, в тюрьме Зинг-Зинг!

Слова эти произвели магическое действие. Машинист не посмел шевельнуться, а служащие восторженно приняли сторону великого сыщика...

Судьба Мориса Каррутера была решена!

Ник Картер повез связанного преступника с собой в Альбани, и следующим утренним поездом отправил его в Зинг-Зинг. Морис Каррутер понял, что всякое сопротивление уже невыносимо, и не делал уже никаких попыток бегства. Но он упорно молчал, и никакими доводами нельзя было заставить его говорить. Только когда в назначенный час его привели к электрическому стулу и привязали к нему, он засмеялся наглым, вызывающим смехом и взором, полным непримиримой ненависти, смерил своего победоносного врага, который поклялся самому себе, что уже не оставит арестанта до тех пор, пока над ним не будет приведен в исполнение смертный приговор.

— Да, Ник Картер, игра кончена... И ты победитель! — хрипло проговорил он. — Бедная Инес была моей последней жертвой, я должен был устранить ее: она знала чересчур много, а бежать со мной из Нью-Йорка ни за что не хотела. Жаль ее! Я мог бы оставить ее в живых, если бы заранее предвидел конец!

— Какая подлость! — воскликнул. Ник Картер. — Убить женщину, которая столько раз спасала вас от верной казни! Такой низости я не ожидал даже от вас, Морис Каррутер! Впрочем, вы сами себе вырыли этим яму: будь жива Инес Наварро, я не знаю, удалось ли бы мне наложить на вас руку!

Через час могучее тело Каррутера закорчилось под воздействием электрического тока. Еще один, последний, полный ненависти взгляд на Ника Картера, стоящего со скрещенными на груди руками... И преступник предстал перед судом Вечного Суда.